

18+

Случайный рыцарь

Я отдам всего себя, все, что у меня есть, чтобы защитить ее. ДРЕЙК
Я не знаю этого человека, но у меня идет мороз по коже, когда я представляю,
что может случиться с тем, кто попытается перейти ему дорогу. БЕЛЛА

НИКОЛЬ СНОУ

Николь Сноу

Случайный рыцарь

Серия «Запретное желание»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65418077
Случайный рыцарь: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-120971-1

Аннотация

Аннабель Рид теряет дедушку, но обретает... мужа! Оказывается, в завещании помимо огромного состояния, шикарного ранчо и самого лучшего коня в мире имеется весьма пикантный пункт о браке с мистером Крышесносным – Дрейком Ларкином.

Дрейк должен защитить ее, но от чего? От ненасытных родственников? Хитрых бизнес-партнеров? А может, от темных тайн деда, о которых Аннабель даже не догадывалась? Дрейк определенно справится со всеми этими задачами. Не зря он много лет работал телохранителем.

Но кто защитит Беллу от самого Дрейка, человека-загадки, ведь достаточно одного его взгляда, чтобы ее сердце остановилось.

Содержание

I: Незавершенные дела	5
II: Подписать здесь	37
III: Доверься приключению	65
IV: Иногда по ночам	89
V: Сделка	97
VI: Синдром самозванца	117
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Николь Сноу

Случайный рыцарь

Copyright © 2019. ACCIDENTAL KNIGHT by Nicole
Snow

© Елена Нефедова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

I: Незавершенные дела

Белла

Это выше моих сил.

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох... Меня всю пердегивает от мысли, что это только начало.

Ох, дед, мне уже тебя не хватает. Но как бы ни было горько это осознавать, в глубине души я рада, что ты не увидишь эти дрязги.

Не знаю, что хуже: смерть деда или безразличие и эгоизм родителей.

Промокнув бумажным платочком слезы, я медленно открываю глаза и внимательно смотрю по сторонам.

Казалось бы, горечь утраты должна немного притупиться. Но я чувствую себя так, словно плачу несколько лет, а не дней. Дедушка Джон был единственной стабильной, неизблемой частью моей жизни.

А сейчас... земля будто уходит из-под ног. В этом балагане не осталось ничего святого. Мои родители хотят денег. Они всегда их жаждали, но даже не дождались окончания похорон, чтобы начать строить грандиозные планы: приобрести игрушку отцу – винодельню в Северной Калифорнии

– и новую сауну для матери в комплекте с японским садом, который будет посажен лучшей командой из Токио.

Они продумывают инвестиционные схемы, которые в итоге их лишь разорят и разозлят, несмотря на все усилия превратить очередную сумму денег в неиссякаемый золотой дождь, способный утолить их растущий аппетит.

Господи! Дед, ты должен был оборвать с ними все связи много лет назад.

Меня гложет вина. Я немногим лучше: обучение в колледже, неудачные бизнес-проекты – все это оплачивал единственный терпеливый спонсор. Джон Рид.

Родители утверждают, что это они переводили деньги, но я-то знаю лучше. Мне помогал дед. Величайший человек, который когда-либо ходил по этой земле.

Он с рождения был не такой как все, единственный и неповторимый. Порой я задаюсь вопросом, унаследовал ли отец от него хоть что-то хорошее.

Будь моя воля, я бы наказала родителей за то, что они такие бессовестные, такие жадные, такие... предсказуемые. Однако ничем хорошим это не закончится.

Дед тщательно спланировал проводы в последний путь. Один из его сотрудников вместе с поверенным позаботились обо всех нюансах и организовали сегодняшнюю встречу.

Я приехала в Северную Дакоту вчера, а родители едва не опоздали на похороны, забежав в бюро сегодня утром, за пять минут до начала службы. Они так хотели успеть в адво-

катскую контору на оглашение завещания, что даже не удостожились присутствовать на прощании, даже не произнесли ни единого словечка в память о нем.

Джон покинул этот мир так же, как и пришел в него: тихо и просто. Лишь бесчисленные цветы и письма с соболезнованиями, которые люди присылали со всех уголков страны, служили доказательством его участия в огромном количестве человеческих судеб. Сегодня утром я читала все эти послания, сидя в одиночестве в похоронном бюро. Рядом была только маленькая урна, хранившая останки единственного близкого человека, который любил меня безусловно, со всеми недостатками.

– С вашего позволения, если не будете меня прерывать... – произносит Рейнольд Шеридан. Адвокат, чей кабинет выглядит таким же стандартным и безликим, как и владелец, указывает пальцем на родителей. – Мы узнаем ответы на ваши вопросы гораздо быстрее.

Мать явно раздражена. Отец гладит ее по руке. Я поджимаю губы.

Хм.

Пожалуй, этот парень мне нравится. Его суровый вид, по крайней мере, действует на родителей отрезвляюще. Они привыкли все делать по-своему, а тут какой-то поверенный вежливо ставит их на место. Дед, вероятно, проинструктировал мистера Шеридана, как себя с ними вести.

Глубокий вдох. Медленный выдох.

Зачем я здесь? Надеюсь, встреча движется к логическому завершению.

Отец – единственный наследник. Все внушительное состояние, включая огромное ранчо и нефтяную компанию стоимостью в десятизначную цифру, достанется ему. *Им обоим*. Родители в браке дольше, чем я живу на свете. Я появилась через несколько лет, когда они устроили жизнь согласно своим желанием. Всегда считала себя их единственным недочетом, от которого родители не смогли избавиться даже за большие деньги. Или от которого им не позволил избавиться дед.

Много раз слышала разговоры, что родители давно бы приобрели третий дом на Ланаи¹ или где-нибудь на другом экзотическом острове, если бы я *случайно* не свалилась им на голову.

Ни один из них не горел желанием воспитывать детей за границей, впрочем, и в Штатах тоже.

Испытываю чувство вины. Мы богаты, а отец сегодня преумножит капитал. Я должна быть благодарна.

Родители по сравнению с некоторыми людьми не такие уж монстры. И раньше у меня всегда был дед.

А теперь его нет. Осталось лишь наследство и память, но скоро меня лишат единственного места, которое я всегда считала домом.

Ранчо Рида.

¹ Ланаи – шестой по размеру остров Гавайского архипелага.

Когда я была маленькая, я обожала подслушивать планы родителей на отпуск, потому что это означало, что я останусь с дедом. Я проводила на ранчо каждое лето и школьные каникулы.

Я пропускала там школу, когда родителям *«нужно было уехать, чтобы немного отвлечься»*. Хотя не понимала, от чего именно, ведь они никогда не трудились на обычной работе.

Отец входит в состав совета директоров нефтяной компании «Норт Эрхарт», принадлежавшей деду. Должность была придумана специально для него, хотя, конечно, это все же выглядело лучше, чем если бы он просто получал от Джона чек.

Не знаю, что произошло и почему они так и не ужились вместе. Дед когда-то обмолвился, что ему проще давать деньги и жить вдали.

Семейные ужины, полные любви и смеха? Совместные праздники, когда кто-то, выпив лишку, вдруг выбалтывает страшные секреты? Не наш вариант.

Дед и родители жили в совершенно разных мирах, существующих в параллельных плоскостях. Ни единого шанса на пересечение.

Да и я хороша: в последний раз в Далласе, Северная Дакота, была шесть лет назад.

Время не лечит. После окончания средней школы я провела с дедом лето, затем переехала в Калифорнию и посту-

пила в колледж.

Каникулы были напрочь забыты. Черт, как любой отдых в принципе. Шесть лет пронеслись незаметно в отчаянных усилиях повзрослеть.

От каких жизненных ошибок нас обычно предостерегают? Я вляпалась во все возможные. Просто на раз-два. Когда все потенциальные «грабли» закончились, я имела на счету уже пару загубленных дел. А сейчас я покончила еще с одним.

Три страйка, Белла, ты в проле-е-ете-е-е!

Жаль, что первых двух раз не хватило.

Недвижимость плюс Калифорния плюс я? Это уравнение не смог бы решить даже Эйнштейн.

Меня не ободрали как липку, как выразился бы дед, но каждый раз я едва наскребала денег, чтобы отдать родителям долг. Дед, который на самом деле меня спонсировал, говорил, что этот опыт пригодится в следующий раз.

Для очередного провала.

Если бы за каждое возникшее желание очутиться дома, на ранчо у деда, давали десять центов, клянусь, я была бы богаче родителей, даже с учетом получения ими наследства после этой чертовой встречи!

Я пытаюсь представить следующие шесть кошмарных месяцев. Первым делом родители наверняка продадут старое ранчо.

Они ненавидят это место. Именно из-за матери отец уехал

отсюда в самый первый раз и больше никогда не возвращался. Это именно она хотела как можно быстрее покинуть этот город и знала, что брак – ее счастливый билет. Это сработало... и работает уже более двадцати лет в нашей странной, неправильной семье.

Мамин судорожный вздох останавливает мой поток мыслей.

– Да сами посудите! – кричит папа, подняв палец. – Вы же умный человек. Да не может, просто не может *такого быть*, чтобы отец так поступил! Это какая-то ошибка.

Я задерживаю дыхание, задаваясь вопросом, что я упустила. *Разговор шел вполне мило. Значит, только что было сказано что-то важное, из-за чего все начали спорить как сумасшедшие.*

– Никакой ошибки, сэр. Вы сами можете прочитать это вот тут, – говорит Шеридан, спуская очки на нос. – Завещание Джона предельно понятно. Все активы, счета, пакеты акций компании «Норт Эрхарт» и любое движимое имущество теперь принадлежат его внучке, госпоже Белле Рид. – Он пристально смотрит на меня. – Аннабель Амелии Рид, если быть совершенно точным.

Ого. Это же я. Аннабель Амелия Рид.

Меня назвали в честь знаменитой Амелии Эрхарт², кото-

² Амелия Эрхарт (англ. Amelia Mary Earhart; 24 июля 1897 – пропала без вести 2 июля 1937) – американская писательница и пионер авиации. Была первой женщиной-пилотом, перелетевшей Атлантический океан, за что была награждена Крестом Летных Заслуг. Написала несколько книг-бестселлеров о своих по-

рой дед, как он клялся, приходился дальним родственником. Он объединил имена Аннабель и Амелия в Беллу и называл меня только так.

– Простите. Что?

– Джон Рид был старым маразматиком! – возражает мама. – Я не верю, Гарри.

Она сверкает глазами в сторону отца, пока тот теревит переносицу и бормочет что-то типа: «*Приплыли*».

– Это какой-то дурацкий розыгрыш! Попытка старого дурака поиграть с нами из могилы. Слушайте внимательно, мистер Шеридан. Ни за что на свете Аннабель не достанется все это. Она слишком молода.

Я стараюсь не засмеяться, услышав эту нелепость. После процедур ботокса она все еще не контролирует мимику. Но мне достаточно одного ее тона. Мать жутко ревновала меня к деду, кроме тех моментов, когда это было ей невыгодно. Например, когда мой визит к деду, забирававшему меня в Даллас, нарушал ее планы или, по ее же словам, когда он «совал свой длинный нос куда не следует».

Это было некрасиво, как, впрочем, и сейчас.

– Ей уже давно исполнился двадцать один год³, – спокойно замечает Шеридан. – С юридической точки зрения, в соответствии с федеральным законодательством и законодатель-

годах.

³ Двадцать один год – возраст, с которого гражданин США полноправно может участвовать в голосовании, служить в правоохранительных органах и пользоваться привилегиями совершеннолетнего в полном объеме.

ством Северной Дакоты, она наследует все по воле мистера Рида. Все это. – Он едва заметно улыбается, когда смотрит на меня. – Включая мистера Эдисона.

Эдисон! Сердце замирает.

– О боже... он еще жив?

– Жив и доставляет кучу проблем, больше, чем когда-либо, – говорит Шеридан с хитрой усмешкой.

Эдисон – самая умная лошадь на земле. Ему должно быть больше тридцати, так что он древний старик. С улыбкой я представляю Эдисона: угольно-черный с белой полосой на лбу. Этот конь – практически Гудини, прирожденный фокусник, что за считанные секунды может выбраться из любых цепей и оков. Дед не упоминал его ни в одном из последних телефонных разговоров, а я боялась спрашивать, опасаясь вестей о смерти. Джон любил эту лошадь так же, как и я. Как еще взрослая женщина может относиться к своему любимому с детства приятелю?

– Да это просто смешно! Что она будет делать с ранчо и нефтяной компанией, сидя в этой глуши? – огрызается мать.

Шеридан приподнимает седую бровь.

– Все, что ей угодно, миссис Рид.

– Но она не может. У нее есть обязательства в Калифорнии. – Колочий взгляд матери устремляется в мою сторону. Губы поджаты; она ожидает, что я поддержу ее. «*Скажи хоть что-нибудь, черт тебя побери*», – читается на ее лице.

– На самом деле... нет, нет никаких обязательств. Они бы-

ли до прошлой недели, пока я не оформила все документы на ликвидацию предприятия. – Я вздрагиваю, зная, что не стоило этого говорить.

Все и так довольно плохо. Возможно, дед хотел, чтобы я немного развеялась?

Отец качает головой и отводит глаза. Он в шоке, опустошен и хочет *покончить* с этим.

– Мисс Рид, должен сказать, что есть несколько условий, которые нам с вами необходимо обсудить в частном порядке. – Шеридан бросает несколько усталый взгляд на родителей. – И это тоже оговорено в завещании.

– Я вам покажу условия, – сипло шепчет мать, громко вздыхая. – И это после всего, что мы для нее сделали!

Она хватает свою сине-белую тисненую сумочку от Gucci, идеальный аксессуар для выхода в люди.

– Хватит! Никогда еще меня так не оскорбляли. – Встав, она резко обращается к отцу: – Идем, Гарри.

Это команда следовать за ней, и мужчина ее выполняет.

Взгляд, которым он смотрит на меня, когда встает, *почти* сочувствующий. На какое-то короткое мгновение я замечаю сходство с дедом – главным образом в ярко-зеленых глазах, как у меня.

Он поворачивается к адвокату.

– Полагаю, вы хотите, чтобы мы подождали снаружи?

Шеридан поднимается со стула, кажется, целую вечность. Он высокий и худой, словно фонарный столб.

– На ваше усмотрение, – отвечает тот. – Вы можете вернуться в отель или, например, посетить кладбище.

На секунду родители замирают.

Он знает, что они не пошли на похороны днем. Только я присутствовала на погребении маленькой урны, больше похожей на цветочный горшок. Единственная душа, кроме служителя, который следил за церемонией.

– Я вас умоляю! В отель... в эту лачугу? – говорит мама возле двери. – Национальная сеть отелей – это ад! Вы хоть представляете, как их жуткий отбеливатель для постельного белья влияет на кожу?

Я стараюсь не закатывать глаза. Если бы хоть половину ее упреков мы могли переложить на постельное белье.

– Мы будем в вестибюле, Аннабель, – предупреждает отец, догоняя жену как раз вовремя, чтобы открыть дверь.

Я киваю, сглатывая комок, растущий в горле, и искренне не желая проходить через это в одиночку.

– Могу я вам что-нибудь предложить? – спрашивает Шеридан, как только дверь закрывается, оставляя нас двоих в кабинете. – Кофе? стакан воды?

Я качаю головой, радуясь, что все еще могу двигаться. Ощущаю себя окаменевшей и переполненной страхами. У меня уже были три неудачных бизнеса, связанных с арендой, и каждый раз я думала, что справлюсь и начну получать прибыль.

Как я смогу справиться со сложнейшей империей, создан-

ной дедом? Смогу ли я управлять ею должным образом?

Нефтяная компания в наследство? Да я даже не знаю цену на бензин!

Может быть, мама права: *я не смогу.*

Я начинаю паниковать.

Мистер Шеридан медленно опускается на стул и внимательно изучает меня.

– Прошу простить, мисс Рид. У меня недавно была операция на спине, поэтому я еще не очень быстро двигаюсь.

Я снова киваю. Затем, чтобы хоть как-то отреагировать на его слова, говорю:

– Надеюсь, вам скоро станет лучше. У деда было нечто подобное, лет десять назад... Год спустя он уже передвигался на инвалидном кресле. – Боже. Я действительно не в себе.

– Ну, надеюсь хоть наполовину быть таким же везунчиком. Но позвольте успокоить вас: вы не останетесь один на один с этим наследством. Ваш дедушка был осторожным человеком и умел грамотно планировать. Он щедро оплатил мои услуги, чтобы вы могли пользоваться ими сколько необходимо. Кроме того, вы получаете полную поддержку его самого надежного компаньона, который указан в завещании. Мистер Ларкин предоставит вам все, что может понадобиться.

Его... компаньон? Мистер Ларкин? *Что за?..*

Я знала, что у деда есть какой-то помощник по дому, но... в голове совершенно не отложилось имя этого человека. Дед

особо не рассказывал о нем, лишь упомянул несколько раз.

Вроде что кто-то работает на ранчо и иногда занимается вопросами, связанными с бизнесом. Старый армейский приятель или кто-то в этом роде. Хозяйство большое, но сейчас оно требует не так много забот, как раньше.

Дед продал скот и птицу много лет назад, а большую часть земли сдавал в аренду. Скорее всего, тот человек был на подхвате, выполняя время от времени работу, с которой Джон не мог справиться из-за возраста.

Честно говоря, я была рада, что рядом с ним кто-то есть. Нужно было задавать больше вопросов, но все телефонные разговоры сводились к одной теме – ко мне. Об этом Джон мог говорить бесконечно. Возможно, он жил ради этих рассказов, чтобы услышать, что делаю, когда возвращаюсь домой... Мы могли болтать часами.

Жаль, что я так и не съездила к деду.

Он знал обо мне все: мою жизнь, мечты, победы. А сейчас я здесь, и у меня куча помощников. Старые адвокат, компаньон и конь. Надеюсь, я не уморю их за ближайшую неделю.

Ловлю себя на том, что вновь качаю головой. Какие ужасные, эгоистичные мысли. Надеюсь, это не результат материнского воспитания.

Я опускаю руки на колени, обтянутые черным траурным платьем, и сосредотачиваюсь на словах Шеридана.

– ...должны прожить на ранчо не менее шести месяцев. Я буду регулярно проверять вас. Есть ли вопросы?

Я не слышала большей части вопросов, но я киваю. Не хочу, чтобы он знал, что в бизнесе я неудачница. Даже сейчас, во время простого разговора, я умудрилась все пропустить.

Мои плечи опускаются. Мужчина, наверное, и так это понимает.

У меня есть шесть месяцев, чтобы сделать что-то путное или окончательно все развалить. Только бог знает, что тогда произойдет. Возможно, Шеридан тоже в курсе, но пока я не хочу этого знать.

– Как я уже говорил, – продолжает он, – дела Джона в идеальном порядке, до последней запятой. Компанией «Норт Эрхарт» управляет совет директоров. Структура управления сложная, в эти вопросы я вовлечен неглубоко, но буду готов помочь, если вы столкнетесь с недоразумениями, связанными с ролью владелицы компании.

Меня гнетет груз ответственности. Просто мысль сесть в кресло деда напротив соборища чопорных директоров заставляет желудок взбунтоваться.

Киваю, тяжело сглатывая. Притворяюсь, что все будет просто замечательно.

Адвокат откидывается на спинку кресла.

– Как я ранее сказал вашему отцу, его должность в компании не изменится, равно как и доход. Джон не видел нужды в изменении этой статьи расходов.

Если честно, вряд ли он на самом деле заслуживает эту

шестизначную зарплату, но я знаю, что родители придут в бешенство, если потеряют этот доход.

Мой прадед был нефтяником, и дед унаследовал от него небольшое, но прибыльное предприятие. А когда в Северной Дакоте грянул нефтяной бум, «Норт Эрхарт», возглавляемая Джоном, превратилась в процветающую компанию. Даже моя мамочка невероятно любила упоминать этот факт.

– Понимаю, что это очень большая ответственность. Особенно для кого-то столь юного, как вы. Однако я здесь, чтобы помогать двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Просто позвоните, – произносит мужчина, улыбаясь краешками губ. – Джон был очень конкретным в своих пожеланиях и в том, как они должны контролироваться. Я поклялся, что строго прослежу за исполнением всех условий.

Я соглашаюсь. Что еще я могу сделать? Тут либо пльиви, либо тони, а я на воде могу держаться только «собачьим» стилем.

И все же я не могу позволить этому случиться.

Мистер Шеридан пододвигает ко мне стопку бумаг.

– Необходимо, чтобы вы подписали эти документы. В двух экземплярах. Здесь содержится информация, которую мы сейчас обсуждали.

Я беру ручку и механически ставлю подпись рядом с маленькими красными стикерами.

– Вы уже были на ранчо? – спрашивает он.

– Нет. Едва позвонили, я собралась и поехала сюда, – от-

вечаю, подписывая второй экземпляр. – Я прибыла вчера и кинулась в похоронное бюро. Ночью оставалась в отеле, а утром уехала на похороны, затем сразу к вам на встречу.

Мужчина забрал оба экземпляра.

– Понимаю. У вас есть ключ от дома?

– Да.

Этот ключ ни разу не убирался из связки с тех пор, как дед дал его мне в двенадцать лет. Я никогда никому его не давала. Это был мой символ принадлежности к какому-то *определенному месту*.

– Вам выдать ваш экземпляр или хотите, чтобы я оставил его у себя? – Улыбка Шеридана вызывает симпатию. – Если необходимо, мы сможем еще раз все обсудить через несколько дней, когда вы немного отойдете от шока.

Я задумываюсь о родителях. Пока они не уедут, будет лучше хранить документы вне зоны их доступа.

– Лучше пусть останется у вас. Когда понадобится, я попрошу его.

– Прекрасно. Пока вы не ушли, еще один момент...

Я смотрю на него, ощущая приближение новой волны паники. Заметив в его руках белый конверт, судорожно выхватываю его.

– Это от вашего деда. Личное сообщение.

Кивнув, я на мгновение закрываю глаза. Сделав глубокий вдох, я вскрываю конверт.

Не могу удержаться от улыбки, хотя слезы жгут глаза при

взгляде на рыжий стикер с надписью «Джон Рид». Дед обо-
жал эти маленькие листочки. Они прятались внутри каждой
открытки или подарка, которые он мне когда-либо посылал.

Я вытаскиваю квадратный листок бумаги и смаргиваю
слезы при взгляде на знакомый почерк.

*«Белла, ты последовала в Калифорнию за своей
головой. Знаю, кто вложил в нее эти мысли. На этот
раз я хочу, чтобы ты выбирала сердцем. Доверься мне.
С любовью, дед».*

Его деликатность вызывает улыбку. За все двадцать четы-
ре года жизни я никогда не слышала, чтобы дед говорил что-
то плохое о моих родителях, хотя для них естественным бы-
ло противоположное поведение. Но намек был кристально
прозрачен. Я почти вижу, как он подмигивает.

– Полагаю, это было что-то важное? – спрашивает Шери-
дан с профессиональным интересом.

– Да. – Я кладу записку обратно в конверт и прячу его в
сумочку. – Он... он хотел убедиться, что я справлюсь. Ду-
маю, он знал, что рано или поздно это произойдет, раз уж
оставил вам свое завещание.

Шеридан кивает.

– Спрошу еще раз: у вас остались какие-нибудь вопросы?

Я делаю глубокий вдох, позволяя воздуху проникнуть в
легкие и наполнить все тело.

– Пока ничего. Все хорошо.

– На ранчо есть документы, которые тоже нужно под-

писать. Пожалуйста, верните их, когда вам будет удобно. – Мужчина протягивает мне визитку. – Вот все мои контакты: телефон в офисе, мобильный, домашний. Звоните в любое время, мисс Рид. И днем, и ночью.

Я смотрю, как он снова неторопливо встает и морщится. Бедолага.

Я не буду звонить ему, пока не возникнет крайней необходимости. Ему следует соблюдать постельный режим, а не возиться с этим бардаком.

– Хотите, я позову ваших родителей? Могу оставить вас наедине, если пожелаете.

– Спасибо. Не сегодня. – Я встаю. *Ни за что.*

Адвокат уже хлебнул маминых упреков, так что на сегодня хватит. Он ведет меня к двери, а затем через приемную в небольшую комнату ожидания, где в красных кожаных креслах сидят родители. Когда мы заходим, мама закрывает и кладет в сумочку компактное зеркало. Она явно расстроена тем, насколько скромными и тихими были похороны.

Уверена, что она ожидала возможности показать всей Северной Дакоте, какую прекрасную жизнь ведет с тех пор, как уехала отсюда десятилетия назад.

Папа встает и идет ко мне.

– Все? Закончили?

– Да, – отвечаю я, а затем поворачиваюсь, протягивая руку адвокату. – Еще раз спасибо, мистер Шеридан.

– Мне было приятно, – говорит он, пожимая мне руку.

Папа коротко прощается с ним, а затем мы втроем выходим за дверь на солнечный свет. На улице ветер. Его резкие порывы напоминают всем, откуда появился ландшафт местных холмов и равнин.

– Ты можешь поехать с нами в отель, – предлагает отец.

Кивая, направляюсь к своей машине. Это навороченный джип, купленный мне дедом на окончание школы. Тогда мы жили в Орегоне. Он настоял, что мне нужен полноприводный автомобиль, если я собираюсь постоянно ездить из Калифорнии в Орегон и, разумеется, в Северную Дакоту, чтобы повидаться с ним.

И мне так больно, что эта поездка оказалось первой.

Какая же я дура. Думала, что впереди полно времени. А его не было. Вообще. Если бы я только могла это знать...

Отель был неподалеку, на окраине города. Мои родители уже ждут у арендованной машины, пока я паркуюсь.

– Мы обсудим все в номере как цивилизованные люди, – произносит мама на полном серьезе. – Нет нужды обсуждать наши личные дела в присутствии посторонних, которые будут потом сплетничать. Этот городишко с его слухами и сплетнями никогда не изменится.

Меня все еще беспокоит нервный спазм в животе, а мамино настроение только ухудшает состояние.

– Послушайте, я не понимаю, что мы вообще должны обсуждать? Я уже заглянула в отель, чтобы собрать вещи, расплатилась за номер и собираюсь отправиться на ранчо. По-

жалуйста, поедем туда все вместе. В любом случае ранчо – лучшее место для каких бы то ни было разговоров.

– Ни в коем случае! – Мама смотрит на меня с недоверием. – Этот дом был развалюхой еще много лет назад, а сейчас он должен быть в еще худшем состоянии. Там просто опасно, Аннабель.

Развалюха. Все верно.

Таковым, по ее мнению, является любой дом, где нет собственного бара с горячим какао и крытого водопада.

Конечно, я ничего не говорю вслух. Нет смысла.

Я всегда знала, как она относится к деду и его очаровательному ранчо, но смирилась с этим по просьбе Джона много лет назад. Он тогда сказал: «Не позволяй ее проблемам стать твоими». Хороший совет на все времена.

При мысли о доме меня наполняет надежда. Деда нет, но будет Эдисон, и я уже не могу дождаться, когда увижу его снова.

– Ты серьезно? – Мать подходит, изучая меня, словно хочет проверить, не подхватила ли я какую-то экзотическую болезнь.

– Я поеду. Кто-то должен присматривать за Эдисоном.

– Эту старую клячу еще много лет назад пора было отправить на колбасную фабрику, – мрачно шутит папа.

Думаю, что шутит. Хотя время для этого не совсем подходящее.

Мамины слова скатываются с меня как с гуся вода, но гру-

бость отца поражает. В этот момент все сомнения исчезают, и раздумья о том, как я проживу эти шесть месяцев на ранчо в соответствии с условиями завещания, улетучиваются.

– Ни за что, – говорю я. – Эдисон заслуживает того, чтобы прожить остаток дней на ранчо, и там же его похоронят. А я позабочусь об этом.

Через полчаса, после очередного натиска родителей, изводивших меня на стоянке, пока я укладывала чемодан на заднее сиденье, я выезжаю из отеля.

Трудно противостоять инстинктивному желанию послушать родителей, ведь я всегда была послушным ребенком и следовала их советам, даже когда в результате приключение превращалось в злоключение. Но на этот раз?

Ни. За. Что.

На этот раз я последую за собственной музыкой. Или, может быть, чем-то еще.

– Слышишь, дед? Я следую зову сердца, а не головы. Как ты и просил. – Я улыбаюсь, услышав собственный голос, и сворачиваю на шоссе, вдавив педаль газа, чтобы добраться до места назначения как можно скорее.

* * *

Ранчо находится в нескольких милях к северу от города за озером Биг Фиш, где я научилась ловить рыбу.

Только я не делала этого уже много лет. Дед обожал ры-

балку, и мы много времени проводили за этим занятием, когда я приезжала к нему. Он считал, что самый лучший день – тот, который ты провел, ловя судака и северную щуку, а затем готовя их на ужин.

От этих воспоминаний мой живот начинает урчать.

Последние несколько дней я практически не хотела есть. Однако образ жареной рыбы, щедро посыпанной укропом, наводит на мысль, что надо было потратить немного времени на покупку продуктов до выезда из города. Но поздно. Путь обратно займет около получаса.

У меня в сумочке несколько энергетических батончиков, на которых можно продержаться до завтрака. Проведу утром инвентаризацию кухни и отправлюсь в город за едой. Дед частенько хранил кое-что про запас: от домашних заготовок, которые консервировал сам, до банок с супами-пюре из всего на свете и бобов с мясом. Неважно, насколько человек богат, он не избавится от старых привычек мальчика, выросшего во времена Великой депрессии.

Я кусаю губу в попытке сдержать презрительную усмешку над маминым отношением к дому.

Развалюха? Куда там.

Здание действительно старое, но дед содержал его в порядке. Благодаря этому дому я полюбила работу дизайнера. Дед разрешил мне отремонтировать несколько комнат, а последние пару лет мы частенько обсуждали возможные изменения на кухне.

Так что вопрос господина Шеридана о том, есть ли у меня ключ, был лишним. Если ничего не поменялось, там все открыто, как привык дед. Ближайшие соседи находятся в десяти милях от дома, а из Эдисона сторож лучше любого волкодава. На ранчо все должно быть так же, как при жизни деда.

Я так давно не была на ранчо, что с каждой проносящейся под колесами милей волнение от предстоящей встречи усиливалось.

С наступлением весны дни становятся длиннее. Закатное солнце светит в окно, нежное и гостеприимное. Все еще не жарко, такая погода будет до самого лета. Идеально, мягко, умиротворяюще тепло.

Как же я соскучилась. Даже по этому открытому пространству по обеим сторонам шоссе. Через обширную плоскую равнину, едва разбавленную редкими холмами, здесь все просматривается на многие километры. И было кое-что еще, по чему я соскучилась. По отсутствию людской толпы.

Сердце трепещет, когда я поднимаюсь на вершину холма и вижу знакомый сломанный почтовый ящик внизу. Подъезжая ближе, я улыбаюсь: все тот же молочный бидон под сломанным ящиком. К счастью, кое-что никогда не меняется. Включаю поворотник и замедляю движение, сворачивая с шоссе.

Подъездная аллея по расстоянию чуть более двух миль, и я преодолеваю меньше половины, когда сердце подскакивает в груди. Я останавливаюсь, едва веря своим глазам.

Величественный Эдисон скачет галопом вдоль забора. Черная грива развевается на ветру. Я распахиваю дверь и на полной скорости бегу к оградке, достигая ее одновременно с животным. Нужно отдышаться, не столько от быстрого бега, сколько от радостного волнения.

– Эй-эй-эй! Привет, приятель. Помнишь меня?

Эдисон тихонько ржет, вскидывая голову вверх и вниз. Клянусь, я практически слышу, как он отвечает: «*Конечно, помню*».

Господи! Никогда не чувствовала такого громадного облегчения, и я вскакиваю на нижнюю доску оградки, чтобы обеими руками обнять мощную шею.

– Как же здорово снова увидеть тебя. Я так скучала, Эдисон!

Он прислоняется ко мне, приподняв одну ногу, великолепный и спокойный.

– Помнишь, когда деду нужно было чем-то занять меня, он просто сажал меня к тебе на спину, а ты ходил кругами вокруг дома? – И я смеюсь, вспоминая то счастливое время. – Когда я хотела сойти, ты опускал голову, и я соскальзывала. А потом ты становился у переднего крыльца, чтобы я могла взобраться на перила и снова сесть верхом.

Наверное, для столь взрослой девушки глупо так радоваться встрече со старым конем, но...

К черту все!

Он здесь. В моих руках. Такой же, каким я его помню.

Живое свидетельство, что даже в самые мерзкие и тяжелые времена иногда случается что-то хорошее.

Эдисон тихо фыркает. Я крепче сжимаю его шею, наслаждаясь моментом, пока снова не подступают слезы.

Я думала, что уже выплакала их все, но ошиблась.

Они горячие, от сочетания счастья, грусти, одиночества и страха. Только сейчас я понимаю, что на самом деле означает для меня пребывание здесь. Я действительно *должна* выполнить последнюю волю деда. И это не обсуждается.

Эдисон в блаженном неведении прислоняется к забору. Как будто знает, что нужен, чтобы я не грохнулась с ограды. В конце концов я смахиваю слезы и судорожно вздыхаю, будто делаю первый настоящий глоток свежего воздуха с тех пор, как получила известие о смерти деда.

Я разжимаю руки на лошадиной шее и глажу рукой по всей длине носа.

– Остались только мы с тобой, приятель.

Он ударяет копытом о землю, затем тихо ржет и сдает назад, отступая.

– Я никуда не уеду, и ты тоже. Обещаю.

Он внимательно смотрит на меня.

Я не виню его. Когда-то давно я уже обещала ему вернуться.

Вздыхаю.

– Обещаю, – говорю я твердо. – На этот раз все по-другому. Просто подожди. Я останусь здесь, на ранчо, на шесть

месяцев. Может быть, дольше...

Он вытягивает шею, чтобы я могла прикоснуться к нему. Я чешу ему за ухом.

– Рада, что ты все еще доверяешь мне, Эдисон... Мне нужна будет твоя помощь. Я не обману.

Эдисон фыркает, на этот раз громче, снова кивая головой. Хочется верить, что так он дает обещание на лошадином языке.

Я мирно поглаживаю его, и ощущение счастья возвращается.

– Ты должен быть паинькой. У меня не будет времени разыскивать тебя. Так что никаких вскрытых ворот, как ты любишь. – Этот конь – какой-то чертов Гудини в том, что касается всех видов защелок, замков и даже ручек. – Замечано?

Я смотрю на него с недоверием, но затем конь словно кивает. Со смехом я спрыгиваю с забора и чуть не падаю из-за туфель на каблуках. Сама виновата. На ранчо в Северной Дакоте нет места прикиду Западного побережья.

– Я должна распаковать вещи и переодеться. Дай мне немного времени.

Он тихонько ржет, и я снова смеюсь. Чувство покоя и умиротворения наполняет меня, пока я иду к машине. Повернувшись, я машу Эдисону.

– Встретимся в амбаре, мальчик!

Сажусь в автомобиль и трогаюсь с места, а конь скачет

через пастбище. Не сомневаюсь: он будет ждать меня. Мы все время так с ним играли, как будто в прятки. Благодаря этому коню я поняла, каким мудрым и нежным может быть животное.

Я наблюдаю за ним, пока он не исчезает за деревьями, специально высаженными вдоль насыпи, чтобы снег не заметал дорогу. Фраза «*Зима близко*» звучит в центральной части Северной Дакоты более зловеще, чем в самом страшном сериале.

И я не шучу.

Случалось, я звонила деду чуть ли не каждый день, услышав новости об очередной снежной буре, чтобы убедиться, что он в порядке.

Джон лишь посмеивался и называл эту непогоду «вращателем петуха», имея в виду металлический флюгер на сарае. Однако я знаю, что временами сугробы полностью закрывали дорогу на ранчо.

Как бы я ни хотела ускориться, но на дороге из гравия не разгонишься. И я вынуждена напоминать себе, что деда там нет, он не ждет меня, и это печально, но бурлящее внутри нетерпение от этого не становится тише.

Наконец-то я дома. Это ранчо я предпочла бы самому роскошному пентхаусу родителей на собственном острове. Губы расплзаются в улыбке. Я заглушаю двигатель и внимательно осматриваюсь.

Все как я помню: дом, амбар, навес для машины и дру-

гие хозяйственные постройки, составляющие аккуратный гармоничный ансамбль. Безусловно, они старые, возможно, несколько примитивные, но вполне пригодны для жилья.

Ни ветер, ни солнце не повлияли на сочность красного яблока, небесную голубизну и звездную белизну красок. Дед был большим поклонником стиля американа⁴, но сейчас от вида этого старомодного здания меня с головой накрывает ощущение тепла и долгожданного *домашнего уюта*.

Внутреннее трехэтажное строение, широкое крыльцо с закругленными углами недавно выкрашено в белый с красной отделкой. Все как я помню.

Я вытаскиваю ключи из замка зажигания, открываю дверь и выхожу, еще раз внимательно осматриваясь. Грусть завладевает мной: я сожалею, что ждала так долго, чтобы вернуться сюда. Беру только самое необходимое, оставляя большую часть сумок в машине, и направляюсь к дому. Но ржание вдалеке останавливает меня.

Я подхожу к загону и похлопываю коня по шее.

– Ладно-ладно, ты выиграл. Как всегда.

Он бьет копытом по земле, разбрызгивая грязь.

– Мне действительно пора избавиться от этих дурацких каблучков, пока я их окончательно не загубила. – Еще раз поглаживаю мощную шею и иду к дому.

⁴ Американа – стиль, который отличают элегантность и солидность, комфорт и функциональность, контрастная цветовая палитра, простор комнат, объединенных с гардеробными и чуланами, большие окна и много света, симметрия и парность мебелировки.

Вопреки ожиданиям входная дверь закрыта на ключ, что удивительно.

Совсем не в стиле Джона. С другой стороны, кто-то должен был присмотреть за домом после того, как его не стало, так что... так ли это странно? Наверное, именно поэтому мистер Шеридан спросил у меня про ключ. Возможно, сам адвокат и запер входную дверь, а может быть, это был помощник.

А может, и нет, учитывая состояние его спины.

Наверное, все-таки помощник, решаю я.

Дед говорил, что этот человек обычно живет в маленьком коттедже в нескольких акрах⁵ от основного здания. Насколько я помню, это был просто охотничий домик, но, возможно, Джон и его привел в порядок. Оба кресла-качалки возле двери покачиваются от ветра, как будто приветствуя меня дома.

Эта мысль кого-то могла бы напугать, а меня – утешает. Открываю дверь и захожу внутрь, закрыв глаза. Я знаю, что его здесь нет, но, *клянусь*, я чувствую присутствие Джона. Хочется открыть дверь справа, ведущую в его кабинет, но я решаю подождать. Я не желаю видеть эту комнату пустой. Не занятое никем большое кожаное кресло за массивным дубовым столом сделает отсутствие деда слишком реальным. Прямо сейчас я хочу притвориться, что он там.

Давайте. Скажите, что это смешно.

⁵ Акр – земельная мера, применяемая в ряде стран с английской системой мер, равна 4046,86 м².

Я достаточно изучала психологию и знаю, что люди, потерявшие любимых, предпочитают вводить себя в заблуждение. И я знаю, что поступаю глупо, но это помогает смириться с наследством, с этим *бременем*, вообразить которое я не смогла бы.

Вздыхнув, я иду через прихожую и поднимаю взгляд на широкую лестницу. Моя комната будет выглядеть именно так, как я ее оставила. Я быстро осматриваю гостиную, а затем кухню.

Вау.

Я помню, что речь шла о небольших новшествах, но... они такие, что у меня отвисает челюсть.

Новые столешницы и блестящие приборы. Старое истертое дерево заменено на гладкий мрамор, нержавеющей сталь и модную европейскую плитку.

– Ни фига себе, – шепчу я. Это произвело бы впечатление даже на мать.

Кухня выглядит *фантастически*. Все эти новшества совершенно не портят присущий дому шарм. Лучшее из обоих модных течений объединено блестящим мастерством деда.

Странно, но я не могу представить его, использующего всю эту красоту для приготовления еды. Он был любителем стейка с картошкой, хотя и мог приготовить что-то невероятное, когда принимал гостей. Поэтому мне интересно, зачем он так заморочился всего лишь для...

Ба-бах!

Шум эхом разносится по дому.

И я замираю на месте, затаив дыхание. С напряженной спиной я рассматриваю потолок и прислушиваюсь. Нет, это точно не там.

Я вздыхаю с облегчением, замечая вентиляционное отверстие под колышущимися от сквозняка шторами. День теплый, но датчики все еще реагируют на прохладу, так что это просто включилось отопление.

Повезло. Не нужно включать термостат в кабинете.

Следует осмотреть дом, чтобы очередной бытовой шум не испугал меня до обморока. Да и стоило бы занести сумки, прежде чем идти на разведку в кухню. Инвентаризация холодильника и шкафчиков – дело нескорое, и мне понадобится время, чтобы по-настоящему со всем разобраться.

На самом верху лестницы я поворачиваю налево. В конце коридора – моя комната рядом с двумя другими спальнями и ванной. И я бы увидела такие же комнаты, расположенные в зеркальном отображении, если бы повернула сейчас направо.

Но точно не в этот раз.

Я снова слышу этот *звук*. И в этот раз никакой ошибки. По шее бежит холодок.

Я останавливаюсь. Прислушиваюсь. Уши такие горячие, что прямо полыхают. Господи, я здесь не одна. В доме есть кто-то еще.

Я собираюсь сделать шаг вперед – или это будет назад?

Я должна отойти подальше от злоумышленника, может, добраться до одного из каминов и найти какой-нибудь тупой тяжелый предмет, прежде чем...

Поздно.

Дверь ванной распахивается, а мое сердце подскакивает к самому горлу.

В коридор выходит огромный накачанный *мужик*. Его похожие на пушки ручки и грудь украшают татуировки. Он полностью обнажен, если не считать белого полотенца на бедрах.

Как любой здравомыслящий человек в подобной ситуации, я совершаю единственно возможное действие, продиктованное инстинктом самосохранения.

Ору изо всех сил.

II: Подписать здесь

Дрейк

Что за хрень?

Пронзительный крик ввинчивается в виски, как будто я стою прямо напротив сирены, предупреждающей о надвигающемся торнадо. *Черт возьми, Джон, ты не предупреждал, что твоя внучка визжит так, что вполне может воплями разбить все стекла в доме!*

Я касаюсь виска пальцами, с трудом помня о том, что надо бы придержать замотанное на талии полотенце. Последнее, что мне сейчас надо, – это получить очередную порцию визга еще и за нечаянный стриптиз.

Дикая головная боль – подарок, доставшийся мне от военного прошлого. Взрыв самодельной бомбы повредил нервные окончания, вследствие чего какие-то звуки я не могу слышать совсем, а другие провоцируют моментальную и сильную головную боль.

– Убирайся, убирайся, убирайся, мерзавец!

По крайней мере, сейчас она просто кричит. *Уже прогресс.*

– Успокойтесь, леди! Это всего лишь я, Дрейк Ларкин. Вы

что, не получили записки?

Судя по ее реакции – это большое жирное нет.

Она отшатывается назад, к стене.

– Я не знаю никакого Дрейка Ларкина! Это дом моего де-душки и... Убирайся! – Ее глаза широко раскрываются, когда она выплевывает последнее слово, будто копьё в меня кидает.

Твою мать.

Снова приступ боли. Когда ее визг возносится к пиковой точке, я вздрагиваю и рычу прямо ей в лицо:

– Да прекрати ты орать, ради бога! Я в курсе, что это дом Джона. Я работал на него!

Клянусь, она вот-вот продавит стену своей задницей. Но она затыкается, уставившись на меня растерянными глазами.

– Работал на него? Что?

К счастью, она берет на полтона ниже, и я могу наконец убрать руку от виска. Слава богу, приступ стихает так же быстро, как и возник.

Так, ладно.

Джон говорил ей обо мне, верно? Черт возьми, о ней он говорил более чем достаточно. Но если это так, то мое присутствие здесь не должно быть для нее таким шоком.

– Здесь, на ранчо, – говорю я, изо всех сил стараясь не звучать слишком уж саркастично. – Вообще везде, где ему нужна была помощь. Я работаю на него уже много лет.

– Вы? – она едва шепчет. – Подождите. Вы говорите, что

вы и есть тот... его компаньон? Помощник? Его старый армейский приятель?

С трудом сдерживаю хмыканье.

Меня никогда не называли чьим-либо «компаньоном». Да, я служил в армии, как и Джон, но совершенно точно не в то же время. Война в Корее закончилась задолго до того, как Дядя Сэм⁶ призвал меня к исполнению долга в недавних заварушках – в Афганистане и Ираке.

– Но что вы делаете здесь, в доме? – спрашивает она, бегло осматривая меня. – Дедушка всегда говорил, что вы живете в коттедже.

Я сжимаю челюсти и медленно рассматриваю ее, вглядываясь в огромные глаза. Похоже, она не в том состоянии, чтобы услышать всю правду, поэтому начинать надо понемногу.

– Я просто принимал здесь душ после погони за чертякой Эдисоном, который удрал аж до самого озера Биг Фиш.

Клянусь, это не лошадь, а какой-то дикий мустанг.

Нет такого замка, который он не мог бы открыть. И если бы я не перебирал свое снаряжение на заднем крыльце, я бы даже не увидел его на вершине холма за домом.

Кроме внучки, Эдисон был единственным, кого Джон Рид любил больше всего на свете. Я пообещал ему присматривать за ними обоими, точно так же, как присматривал за ним. Понятное дело, что я должен был догнать эту чертову лошадь, хоть и знал, что Белла появится сегодня.

⁶ Дядя Сэм – персонифицированный образ Соединенных Штатов Америки.

– Дай мне минуту, и я расскажу тебе все. Я оденусь, и мы встретимся на кухне.

Ответа не жду. Иду в спальню и закрываю за собой дверь.

Вот же дерьмо!

Я ожидал неприятностей, но это?

Джон предупреждал меня о своей невестке Молли и его сыне Гарри. Сказал, что они будут не согласны с условиями завещания. И я был готов к тому, что они вот-вот заявятся и подольют масла в огонь. Но, черт, мне никто не сказал, что я должен буду беречь свои барабанные перепонки от маленькой мисс Крик.

Если бы она визжала на пол-октавы выше, я бы даже не заметил, какая она миленькая. Глаза как лабиринт, в котором можно потеряться на несколько дней.

Нежная, перепуганная брюнеточка с достаточным количеством выпуклостей, которые так и тянет облапать. Бедрa, от вида которых земля и небо меняются местами. Упругая, аппетитная попка, способная ввергнуть *в пучины ада* мужика, который слишком долгое время просидел в одиночестве, как я, к примеру.

Стоп, стоп, стоп. Я поклялся Джону, что сделаю все правильно, а вместо этого стою здесь и перебираю сюжеты 18+ с участием его родственницы, пока в ушах все еще стоит звон. Хуже всего, что он доверил мне исполнение безумного плана, который он придумал, чтобы спасти наши шкуры.

Чтоб я сдох.

Я прикасаюсь к голове. Сейчас она не болит, но я чувствую, что мигрень на подходе. Собственно, она уже есть. Ждет меня внизу.

До сих пор не понимаю, как я вообще позволил втянуть себя в это безумие. Конечно, Джон тот еще хитрый старый лис. Он не только убедил меня, но и вынудил своего накрахмаленного юриста участвовать во всем этом.

Открывая ящик комода, я не могу сдержать ухмылку.

Джон Рид был чертовски мужественным человеком. Его присутствие не стало чувствоваться меньше, хоть он и покинул эту смертную обитель. Я многим ему обязан. Я бы не был здесь сегодня, если бы не он.

Черт, меня бы вообще уже не было, если бы не Джон. Мы встретились, когда я достиг самого дна, не зная, куда идти и что делать. Я чувствовал себя потерянным умственно, морально, духовно – *во всех смыслах* этого слова.

Но старый Джон нашел меня с пробитым колесом в разгар снежного бурана на дороге в никуда. Неполадка произошла возле его почтового ящика, и если бы не подъездная аллея, я бы оказался в кювете. Погребенный под бесконечным, не заканчивающимся снегопадом, который все шел и шел. Сугробы, наметаемые с холмов, могут занести многие километры шоссе на несколько дней. Я умудрился часть аллеи кое-как проползти, пока колеса намертво не забуксовали в снегу, а потом машина и вовсе заглохла.

Я был готов к худшему, вплоть до смерти от переохлажде-

ния в объятиях Ледяного Джека⁷.

Джон Рид пробрался через снежные завалы на дороге. Я улыбаюсь воспоминаниям, надевая футболку через голову, а затем прохожусь расческой по волосам перед зеркалом.

Его машину занесло на повороте, но он, не сбавляя газа, опустил снегоочиститель, закрепленный на передней части старого красно-белого «ДжиЭмСи»⁸. Этот старик преодолел сугробы высотой в три фута подобно Зевсу, раздвигающему горы, переключая передачи, словно у него была третья рука, и лишь комья снега летели над над ветровым стеклом его автомобиля. Его ухмылка была такой же широкой, как козырек его красно-черной клетчатой шляпы. Если уж совсем откровенно – немного маниакальной. Совершенно белые вставные зубы соперничали белизной со снегом, когда он остановился рядом с моим пикапом и опустил стекло.

И как возможно забыть те первые простые, проникновенные слова?

– Залазь, парень. И пристегнись. Нынче ночью дорога неровная.

Подобных ему людей мало, и они редко встречаются.

Обратная дорога – почти в две с половиной мили – бы-

⁷ Ледяной Джек – персонаж английского фольклора, олицетворяющий собой зиму.

⁸ «ДжиЭмСи» – GMC – сокращенное наименование крупнейшего в мире американского автомобильного концерна «Дженерал Моторс Корпорэйшн» (General Motors Corporation) и марка выпускаемых им гражданских и военных автомобилей.

ла более чем неровной. Я бы сказал, опасной. До сих пор не уверен, что он видел хоть что-то сквозь налипающий на лобовое стекло снег. Я, по крайней мере, не замечал ничего, но он как-то умудрился удержать машину на дороге, так что мы добрались до дома и даже не пострадали.

Снег шел еще два дня. Нам пришлось использовать трактор, чтобы притащить пикап к дому. Вот так я попал на ранчо. Можно сказать, второй раз на свет народился и с тех пор ни разу не уезжал отсюда.

Да и теперь не могу, потому что пообещал Джону.

Да, я прослежу за исполнением этого безумного завещания до самого конца. Это самое малое, что я могу сделать для человека, спасшего мне жизнь в тот миг, когда я уже смирился с бесславной кончиной в одиночестве.

И если бы расплатиться по счетам было так легко, то это был бы не Джон.

Я был почти уверен, что его внучка притащится вчера. Но она сразу направилась в похоронное бюро. Об этом Шеридан предупредил по телефону.

Когда она не приехала, я предположил, что она прибудет, как только услышит все подробности в офисе адвоката. Шеридан сказал, что позвонит, когда все закончится, чтобы я успел подготовиться, и он, вероятно, так и сделал.

Только вот мой мобильник все еще на заднем крыльце со всем моим снаряжением. Там все, кроме «Смит-и-Вессона-500». Джон любил стрелять из этого пистолета, и я точно

знаю, где именно он это делал.

Я тоже попрощался с Джоном. Персонально. Мне не надо было идти в похоронное бюро. Вместо этого я отошел за охотничий домик, туда, где метрах в восьмидесяти от задней стены он обычно стрелял. Джон любил мой «Смит-и-Вессон». Говорил, что это напоминает ему о больших револьверах Старого Запада, когда один-единственный выстрел был всем, что когда-либо было нужно мужчине.

Поэтому сегодня утром я положил пистолет на его любимую скамейку и отстрелял несколько магазинов, как обычно делал он. Персональный салют человеку, который оставил свой след в этом мире и в моей душе.

Хреново, что я оставил там пистолет, когда вернулся в дом.

А потом старик Эдисон решил устроить мне пробежку. Не могу его винить. Он знает, что Джона больше нет. Клянусь, если бы я в конце концов не догнал его у озера, он бы добежал до самого города и, вероятнее всего, появился бы на похоронах или на кладбище. И, может, я должен был позволить ему это. Эдисон был семьей для Джона в большей степени, чем эти незнакомцы, припершиеся в город и подсчитывающие его деньги прямо над могилой.

Конечно, Джон не согласился бы с этим. Не в том, что касается его внучки.

Он любил ее как никто другой и поклялся, что никто и никогда не сможет надурить ее в том, что он хочет оставить

ей. Он обставил все так, чтобы никто и никогда не избавился ни от ранчо, ни от «Норт Эрхарт».

Присев, я надеваю носки и ботинки, затем встаю, заправляю рубашку в джинсы и направляюсь к двери. Ну что ж, пора, пожалуй, постараться проверить эту аферу.

Надеюсь, из всех троих легче всего будет справиться с внучкой. В отличие от ее родителей она хотя бы регулярно разговаривала с Джоном по телефону. Черт, можно посчитать на пальцах одной руки, сколько раз за четыре года, что я здесь, его сын звонил старому Риду, так что нет никаких оснований полагать, что это происходило чаще в те времена, когда меня здесь не было.

Когда я впервые появился здесь, внучка училась в колледже. Джон думал, что она переедет сюда по окончании учебы. Она разочаровала его, но он никогда не признавался в этом. Даже мне.

Разумеется, он обвинял в происходящем своего сына и невестку, отчасти именно это убедило меня согласиться на такое безумие.

Волна дрожи прокатывается по спине. Твою мать.

Крепко держась за перила, я осторожно спускаюсь, чтобы встретиться с женщиной, на которой я женат.

Брак по доверенности. В Монтане так можно.

И уж поскольку я гражданин штата, то все вполне законно, хоть она и не знает об этом. Да ей пока и не надо.

До тех пор, пока я не получу ее аккуратные разборчивые

подписи на документах и не передам их в руки Шеридану. Он юрист и согласился со всем, что хотел провернуть Джон. Кроме этого.

Чертова подпись.

Он даже не хочет знать, как я ее заполучу. Это был единственный раз, когда Шеридан уперся.

Но Джон даже глазом не моргнул. Он был уверен, что я смогу и сделаю это.

Уверен на все сто, что я справлюсь с этой задачей.

Совершенно убежден, что я разберусь с Беллой – захочет она этого или нет.

Я делаю глубокий вдох, прежде чем сойти с нижней ступеньки.

Разберусь – не совсем подходящее слово для этого дерьма.

Женаты? Твою ж мать. Как-то я не думал, что мне когда-нибудь придется заниматься чем-то подобным. Не таким уж точно.

Ничего общего с тем напряжением, которое ты испытываешь, сидя в засаде в ожидании сигнала к атаке. Но именно поэтому Джон был уверен, что я идеальный исполнитель для этой работы. Мое шестое чувство всегда подсказывает мне, как выполнить поставленную задачу.

Я сдерживаю улыбку. Наверняка он *сказал* девушке, что мы старые армейские приятели, просто чтобы обозначить хоть какую-то связь между нами.

Она на кухне. Сидит за столом. Дуется. Или злится.

Не могу пока сказать, потому что недостаточно хорошо ее знаю. Не горю желанием что-то менять, но, увы, у меня нет выбора.

Вживую она еще лучше, чем на фото, которыми сплошь увешан и заставлен весь дом. Те же длинные каштановые волосы, большие зеленые глаза, лицо и тело девушки с плаката. Подкачанная в нужных местах и радующая глаз упругой округлостью там, где это необходимо. Фигура «песочные часы», от природы наделенная талантом вызывать у меня сто-як, – час от часу не легче.

Подняв голову, она смотрит, как я вхожу в комнату. Ее губы дрожат, их трогает несмелая улыбка.

– Прошу прощения за этот инцидент, – тихо произносит девушка. – Там, наверху... Я, честно говоря, не ожидала, что здесь, в доме, кто-то может быть. Вы напугали меня.

Я машу рукой.

– Проехали. Ты скорбишь. Уверен: последнее, что ты ожидала увидеть здесь, – это мою невытую задницу.

Она смотрит на меня. Моргает.

Дерьмо. Это будет сложнее, чем я думал.

Я прочищаю горло.

– Просто хотел сказать, что Джон Рид был исключительным человеком. Лучший босс, который у меня когда-либо был и будет.

Ее улыбка возвращается, когда она откидывается на спинку стула.

– Да, он такой. Был. Он говорил мне о вас несколько раз, но я как-то всегда предполагала, что вы... – она старается сдержаться, но ее взгляд как бы помимо воли скользит от ботинок к еще влажным волосам, – старше.

Я вздергиваю бровь.

– Типа старый армейский приятель?

– Угу. – Она качает головой. – Наверняка он хотел, чтобы я думала, что вы знали друг друга со времен совместной службы.

На моих губах появляется ухмылка. Никто никогда не был застрахован от этого старика.

– Ну, не так уж он и соврал. Я служил за несколько лет до того, как попал на работу к твоему деду, просто он занимался этим чуть дольше – лет эдак пятьдесят. – Я подхожу к холодильнику и открываю дверцу. – Воды?

– Да, пожалуйста.

– Я бы предложил тебе пиво, но... – Оставлю это на ее усмотрение.

– Нет, вода будет в самый раз.

Достаю две бутылки и иду к столу. Вручаю ей одну, присаживаюсь, затем открываю свою. Делаю несколько больших глотков и произношу:

– Он не хотел пышных похорон.

– О, я знаю. – Она откручивает крышку с бутылки, но не пьет, ее глаза смотрят куда-то вдаль. – Вы были с ним, когда он умер.

Это не вопрос. Она уже знает. Должно быть, слышала это от Шеридана или кого-то еще.

– Да, – говорю я. Удивительно, что одно короткое слово может подтолкнуть нас к сотне разных мыслей.

Она на мгновение закрывает глаза, затем открывает их и облизывает губы.

– Где... – Она глубоко вдыхает. – Где именно... – выдыхает... – он умер?

Черт. Мне нужна короткая передышка.

Воспоминания все еще свежи в памяти. События того дня всколыхнули в душе кучу дерьма, с которым, как я думал, я уже смирился, но оказалось, что нет. Потому что оно все тут же вылезло наружу.

– Строго говоря, он умер в больнице. Сердечный приступ случился, пока мы ехали на грузовичке, – отвечаю я. – Его «ДжиЭмСи». Я был за рулем. Мы почти доехали до города.

Взгляд ее огромных черных глаз прикован ко мне, припечатывая каждое слово.

– «О боже». Все, что он успел сказать перед... Черт! – Я упираюсь руками в бедра, не желая снова вспоминать его последние минуты, но девушка заслуживает знать все. – Я сделал, что мог. Остановился, уложил его, нащупал пульс. Пульс был слабый, поэтому я позвонил 911 и повез его в больницу. Доктор встретил нас на стоянке, но было уже слишком поздно. – Я качаю головой, пытаюсь прогнать неприятную картину из памяти. – Второй приступ случился,

пока Джон был без сознания. Он-то его и добил, даже порог больницы не успели пересечь.

С одной стороны, мне хочется рассказать ей о нашей последней настоящей беседе, которая состоялась перед тем, как мы тронулись в город. Ведь, в конце концов, речь была о ней и о завещании. Никогда раньше я не верил историям о людях, точно знающих о своем последнем смертном дне. А теперь... Джон тогда вынудил меня еще раз пообещать, что я выполню каждое его указание. *Доведу это дело до конца.*

Я согласился, ведь мы столько раз обсуждали одно и то же. В то утро он был настойчив как никогда. Будто ясно видел, как мы сидим здесь с ней и ведем эту самую странную в мире беседу и я тупо не понимаю, с какой стороны взяться за все это.

– Зачем вы поехали в город? – тихо спрашивает она.

Черт. Я хоть и понимал, что девушка может задать этот вопрос, но надеялся, что этого не произойдет.

Мне нужно время, чтобы определиться, что ответить. В конце концов решаю сказать правду. Джон никогда не говорил, что ей нельзя этого рассказывать, после того как... Просто держал это в *секрете*.

– По иронии судьбы мы ехали на прием к доктору. – Да уж, тошно от такой иронии.

На ее лице – шок, самый настоящий.

– Прием? А что?..

– Ну, тот приступ, который... от которого... в общем, это

был не первый раз, когда его сердце забарахлило. Первый случился несколько месяцев назад.

Она явно в недоумении.

– Что? Но почему он не сказал мне? Я же разговаривала с ним накануне... – Она вытаскивает салфетку из подставки в центре стола и вытирает глаза. – Накануне...

– Милая, он не хотел, чтобы ты знала. Не хотел, чтобы вообще кто-то знал. Доктор Райан порекомендовал операцию, но Джон даже слышать об этом не хотел. Да и сам медик лишь на пятьдесят процентов был уверен в том, что сердце выдержит такую нагрузку.

– Но... но почему он не *сказал мне*? – снова повторяет она, вытирая глаза. – Почему? Господи, я бы приехала. Взяла бы отпуск, была бы здесь, с ним, делала бы все, что ему нужно.

Я отрицательно качаю головой.

– Он не хотел, чтобы ты была здесь, когда это случилось, чтобы ты приехала увидеть его смерть. Он был очень гордым человеком.

Правильно это или нет, но я знаю, почему Джон так поступил.

Когда-то я сам прошел через этот ад. Вернулся домой, чтобы наблюдать, как кто-то увядает, медленно превращаясь в тень своего прежнего «я».

Она прижимает пальцы к губам, покачивая головой, из ее рта вырывается резкий вздох.

– Господи. Хотела бы я сказать, что вы врете, но не могу. Потому что именно так сделал бы дед.

Я рад, что она это понимает.

Ее вопли наверху заставили меня засомневаться в ее адекватности. Теперь же я вижу, что это был просто шок. Я был потрясен не меньше, потому что не рассчитывал увидеть ее там.

Я даю ей еще минуту, прежде чем она снова смотрит на меня, сглатывая комок боли.

– Как долго вы живете здесь, в доме? – Она передергивает плечами. – Просто я думала, что вы обитаете в охотничьем домике.

– Я и жил там, все верно. Переехал сюда после первого приступа. Джон не хотел быть один. – Да и я не хотел, чтобы он переживал все в одиночестве. Слишком тяжело.

Но его сердце было только частью проблем. Он хотел, чтобы я был поблизости. Пара лишних глаз не помешает, когда волки все ближе...

– Я только жалею, что он ничего не сказал мне. – Она сморкается и промокает нос салфеткой. – Я бы вернулась домой, без сомнений.

– Уверен, что ты бы так и сделала, но он этого не желал. – Мы уже обсудили это, но я все равно добавляю: – Ты была занята. Последнее, что Джон когда-либо желал, – вмешаться в твою жизнь.

– Пфф, как будто в ней было что-то, во что можно вмешать-

ся. – Она откидывается на спинку кухонного стула и мгновение смотрит в потолок. – Уверена, что он рассказал вам об этом.

Я делаю еще один глоток воды.

– О чем именно?

Одной рукой девушка убирает длинные волосы с лица.

– Я облажалась. По-крупному. Три раза подряд.

Все правильно. Джон мало что утаил от меня.

– Недвижимость, не так ли? – спрашиваю я, желая проверить.

– Ну, типа того... вроде. Это называется флиппинг⁹. Дома и разная недвижимость. Ну, знаете, покупаешь задешево, ремонтируешь там все, продаешь задорого. Просто однажды так попала с одними квартиросъемщиками, чуть ли не волосы на себе рвала... так что я подумала, а почему бы не попробовать купить классный дом, из этих, в которых предусмотрен экономный расход воды, электроэнергии и прочих ресурсов, и сделать из него конфетку?

Я киваю, зная все о ее бесконечных катастрофах с недвижимостью, всех этих флиппингах-шлип-пингах и о том, что ни одна из ее задумок никогда не реализовалась так, как было запланировано. Но я все равно хочу услышать это от нее лично. Выяснить, на самом ли деле она такая честная, как

⁹ Флиппинг – операция, при которой приобретается дешевая недвижимость в убитом состоянии, отошедшая банку за невыплату или доставшаяся в наследство, затем в ней делается косметический ремонт, после чего она перепродается по цене в несколько раз выше номинальной.

утверждал Джон. Если нет, тогда весь его план может пойти псу под хвост.

– Звучит так, как будто ты вызубрила свою домашку наизусть, – говорю я ей. – Я слышал, что недвижимость в Калифорнии – верняк, особенно если звезды станут как надо.

– Ну, похоже, в моем случае они вообще исчезли с небосклона. Дурацкие созвездия. – Она наклоняется вперед и кладет оба локтя на стол.

Я смотрю на дверь, размышляя, когда приедут ее родители. Надеюсь, сейчас тот самый момент. Надо услышать ее мнение и получить подпись, прежде чем тут будет толпа.

– Так, и что случилось?

– Ну, первый дом, который я купила, оказался слишком старым и был весь в асбесте. Так что к тому времени, как все это убрали – а это вылилось в громадный и дорогостоящий объем работы, который не был учтен при оценке, – у меня уже не осталось денег на реконструкцию. Я вынуждена была продать его как есть, почти полностью разрушенным.

– Хреново. И что, при покупке дома этот момент не был учтен в договоре? – Я поднимаю бровь. Джон рассказал мне свою версию, и мне любопытно, насколько их версии будут близки. – Я имею в виду асбест?

– Ну... наверное, я просто облажалась. Значительно недооценила расходы на капитальный ремонт.

– Почему? – Я не особо мастер в такой болтовне, но ее легко подтолкнуть.

Так что просто продолжаем. Пусть она почувствует себя комфортно. А там придет очередь и документов.

Она хмурится.

– Почему?

– Ну да, почему? Разве ты не консультировалась со специалистами? Чтобы получить оценку?

Ее подбородок резко поднимается.

– Хм, вообще-то да. Я не полная идиотка, даже если выгляжу как... – Она прерывает фразу на середине, потирая руками плечи. – Проехали.

Я пожимаю плечами.

– Получается, они по факту запросили больше, чем было в смете? – Я продолжаю настаивать на ответе. Специфичном. Просто чтобы убедиться в нескольких вещах. – Это должно было быть их проблемой, а не твоей.

Ее плечи опускаются.

– Да, вероятно, должно, но владелец компании – хороший друг моего отца и... – Она качает головой. – Что тут еще сказать?

Я киваю. Это именно то, что сказал Джон: компания принадлежала одному из друзей Гарри.

Джону было много чего сказать и об этой, и о следующей ее попытке.

– А как насчет следующих домов? У тебя ведь было больше одного, не так ли?

Она подпирает подбородок ладонью, и ее глаза становятся

прозрачными.

– Там были термиты! Пришлось заменить фундамент и опорные стены, которые оказались дороже, чем я планировала. Снова...

– А у твоего отца нашелся еще один друг, которого он привлек, не так ли?

Она нахмурилась, а затем выдохнула:

– Мне нужна была помощь. Они дали лучшую цену, какую только могли.

Второе очко в пользу Джона. И ее. Она была честна до сих пор.

– Как насчет третьего дома?

Ее губы трогает мечтательная улыбка.

– Это было очаровательное маленькое бунгало на пляже. Я действительно думала, что нашла на золотую жилу. Школа была позади, так что все свое время и силы я вложила в него. Вместо строительной компании я наняла пару высококвалифицированных специалистов и лично помогла со всеми чертежами. И какое-то время это было прикольно. Мне нравилась эта переделка.

– И что случилось? – Джон сказал, что в тот раз она даже закончить не успела, как вмешались ее родители.

Она напряженно смотрит на меня, а затем, вздохнув, отводит взгляд.

– Моя мама. Вот что случилось.

Бинго.

Джон предупредил меня, что я постоянно буду наткаться на ее родителей, особенно ее чертову мамочку. Это одна из причин, из-за которых он заставил меня пообещать помочь.

– И что же она сделала?

– Она продала его своей подруге еще до того, как я уложила новые полы. Сделка за наличку. Типа большая услуга, как она подумала, против которой я не буду возражать.

Это все объясняет. Моя дежурная улыбка сползает с лица. Ее матушка, должно быть, коварна, как и утверждал Джон, даже если речь идет о ее собственной дочери.

В соответствии с планом я должен быть очень осторожным, когда дело дойдет до ее родителей. Кажется, что прямое столкновение с ними может сработать даже лучше.

– Я такая идиотка, – шепчет она резко, больше для себя и для мира, чем для меня.

– Эй, это бизнес. До хрена жестких уроков на пути к богатству. И Джон сейчас точно согласился бы с этим.

Я все еще сочувственно улыбаюсь, когда она поднимает голову, и печаль на ее лице сменяется другой эмоцией.

– На самом деле, милая, это не совсем твоя неудача в сфере недвижимости. Скорее, твоя единственная ошибка, которую ты совершила, заключалась в том, что ты позволила своим родителям влезть в твои дела. – Надеюсь, она уже и сама поняла это. Так что со следующим этапом будет проще.

Белла усмехается.

– Дед сказал то же самое. Но я одолжила у них деньги,

чтобы купить первую недвижимость, поэтому у меня не было выбора.

Ну да, одолжила, но на самом деле это были деньги Джона. Просто он передал их через родителей.

Конечно, это вообще-то не мое дело, за исключением случаев, когда прошлое переплетается с поручениями в настоящем.

Я делаю еще один глоток воды и, поставив бутылку обратно на стол, спрашиваю:

– Собираешься покупать что-то еще?

– Нет. Бунгало продано на прошлой неделе, и я попросила отдать деньги моим родителям. Ту сумму, которую я одолжила. – Она пожимает плечами. – Может быть, когда-нибудь я попробую снова, у меня есть диплом по дизайну. – Осматривая кухню, она произносит: – Что касается недвижимости... Дед сказал, что он сделал ремонт в доме, но я даже не ожидала такого размаха. Эта кухня... что происходит? Шкафы, полы, кухонная столешница, все это оборудование...

– Не забудь про светильники, – добавляю я.

Она кивает и улыбается.

– Кого он нанял?

Я усмехаюсь.

– Ты смотришь прямо на него.

Она широко распахивает глаза.

– Да ладно! Правда?

Я киваю. Это та точка соприкосновения, которая может

помочь заслужить ее доверие, поэтому я встаю, окинув быстрым взглядом дело своих рук.

– Ремонт в ванной тоже делал я.

Джон хотел сделать весь ремонт полностью для нее. На тот случай, если она вернется. У меня были сомнения, что она действительно придет, но сейчас у меня перед глазами свидетельство его правоты.

Мистер Рид никогда ничего не делал кое-как. Он терпеть не мог ничего, кроме самого лучшего. Вера в его маленькую девочку поддерживала старика, и именно она, эта вера, привела девушку сюда. Теперь дело за мной.

Я не могу подвести Джона так, как это было с Энджи, Шерри и Терри. Они, черт побери, рассчитывали на меня. *Больше такому не бывать.*

Джон Рид практически стал для меня семьей, которой у меня больше нет.

– Так вот почему дед нанял вас? Из-за ваших навыков по ремонтным работам?

Я пожимаю плечами.

– Он нанял меня, чтобы я занимался всем, что бы ему ни понадобилось. Типа мастер на все руки плюс то, чему я учился по ходу дела.

Больше всего Джона интересовали мои навыки телохранителя, эту роль я буду выполнять при ней, но Белле не нужно знать это прямо сейчас. Даже Джон не знал всего, что происходило в «Норт Эрхарт».

– А твои родители приедут сюда?

– Я не знаю, – говорит девушка. – Не сегодня, уверена.

Я встаю, подхожу к стойке со стопкой ожидающих ее документов.

– Ты подписала все бумаги, которые дал Шеридан? – спрашиваю я, прежде чем взять документы. Страницы брачного договора перемешаны с рутинными документами.

– Да. – Она видит, что у меня в руках. – Он сказал, что здесь будет намного больше.

Прямо в точку, Шеридан.

– Все готово и ждет тебя, – говорю я ей с дружеской усмешкой. – Довольно приличная стопка. В основном переоформление документов для компаний, занимающихся коммунальными услугами, ну, там, электричество, телефон, газ – вся эта фигня, в которой нужно сменить имя Джона на твое.

Она тяжело вздыхает и смотрит на стол.

Я беру стопку и ручку. Из всех сил стараясь, чтобы дальнейшее прозвучало самой скучной и утомительной вещью на свете, я спрашиваю:

– Как насчет подписать это прямо сейчас? Займет минут десять, ну, двадцать от силы.

– Да, в принципе, почему бы и нет. – Она пожимает плечами. – Шеридан сказал, что вы поможете мне. Спасибо за заботу. Я даже не подумала о коммунальных услугах, но, да, давайте просто сделаем это.

Я беру пачку, кладу перед ней и протягиваю ручку.

Снова укол вины.

Понятное дело, что все это чертовски неправильно.

Раньше я никогда умышленно не обманывал кого-то подобным образом, и совесть грызет меня с тех пор, как я согласился на эту брачную авантюру.

Но это же исключительно ради ее безопасности, так ведь?

Ладно, согласен, это тупо оправдания. План, разработанный Джоном, включает в себя намного больше, чем просто деньги и кусок земли.

Жизни людей, в том числе жизнь этой молодой девушки, сидящей передо мной.

Для этого нет подходящих слов.

Никто, кроме меня, не *сделает* этого. *А я смогу. Я обещаю.*

Держа руку поверх стопки, я указываю на место для подписи на первом листе.

– Это для телефонной компании. Не знаю, сохранил ли кто-то еще стационарный телефон, но ты же знаешь Джона... – После того, как она подписывает его, я пролистываю только нижнюю часть страницы. – Это для газовой компании.

Мой пульс учащается, когда я переворачиваю следующую страницу, затем другую. Некоторые листы совершенно не нужны, просто необходимы для массовости, чтобы она не захотела их читать.

Я задерживаю дыхание, когда она продолжает подписывать. Я практически не дышу до тех пор, пока на самой последней странице не появляется ее аккуратная округлая подпись.

Спасибо, черт возьми.

Когда она заканчивает, то опускает ручку и вытирает ладонью щеку.

Я замечаю влажный след, и мой желудок сжимается.

Даже мне тяжело. А ей стократ сложнее.

Честно говоря, я на пятьдесят процентов был уверен в том, что встречу в ее лице капризную, испорченную штучку, настолько избалованную, что наверняка захотела бы сбежать через час или два.

Джон всегда настаивал на том, что его Белла была не такой, но, проведя здесь четыре года и зная совершенно точно, что она ни разу не приехала к деду, я не был уверен, что он прав. До сих пор сомневаюсь.

Черт, даже сейчас часть меня хочет сказать, что я перееду обратно в охотничий домик, но тогда потеряю ее из виду, а я не могу этого допустить.

Она мое прикрытие и в то же время единственная драгоценность, которую я должен защищать. Не так уж и отличается от службы в армии, где нельзя было оторвать взгляда ни от того, кто прикрывает спину, ни от мишени в прицеле.

Я собираю пачку документов, похлопывая ею о стол, чтобы подровнять края.

– Ну, вот и замечательно. Самое сложное позади. В шкафах куча разной еды, так что угощайся всем, что придется по вкусу, – говорю я. – Твоя комната наверху ни на йоту не изменилась.

Она моргает несколько раз, словно пытаюсь удержать слезы.

– Спасибо.

Отодвигаясь от стола, она встает.

– Прошу прощения, думаю, действительно, надо распаковать вещи и... – Глубоко вздохнув, она сжимает губы, и слезы текут из глаз. Глядя, как она трясет головой, я понимаю, что девушка на грани. Она поворачивается и выбегает из комнаты, не сказав больше ни слова.

Ну, здравствуй, чувство вины. Это дерьмо таскалось за мной тенью на протяжении последних нескольких лет, а сейчас, слыша ее приглушенные рыдания, оно наваливается с особой силой.

Твою мать.

Даже не знаю, почему я думал, что это можно повернуть с минимальным ущербом для всех.

Никакой ошибки – в любом случае это *будет* выглядеть отвратительно. По-другому не выйдет.

Отнеся бумаги на заднее крыльцо, я собираю снаряжение для стрельбы и переносу в свою спальню. Моя комната прямо напротив ее, через коридор – боюсь, это максимальное расстояние от Беллы Рид на следующие шесть месяцев.

– Черт бы тебя побрал, Джон, – бормочу я себе под нос. –
Надеюсь, ты доволен, где бы ты сейчас ни находился.

III: Доверься приключению

Белла

Лестница, коридор, спальня – перед глазами размытые пятна.

Я закрываю глаза и прислоняюсь к только что закрытой двери. Это не помогает сдержать слезы, которые льются сплошным потоком.

Я не могу перестать видеть имя дедушки.

Джон Рид.

Оно было там, напечатано жирными буквами на верхней части первого листа документа, который я подписала. Рада, что мистер Крышесносный – названное Шериданом имя вылетело из памяти – не попросил прочитать каждую страницу. Я бы никогда не добралась до последней. Это навсегда, и слишком внезапно, и слишком реально.

Деда нет.

Умер.

Его лицо, голос, юмор, все – ничего больше нет.

Слезы текут горячие, каждая новая дорожка горячее предыдущей, и у меня ничего не осталось, нет сил, чтобы бороться. Я сдаюсь, скользя вниз по двери прямо на пол. Лоб

упирается в колени, и я обнимаю ноги, скрючиваясь в тугой комок, стараясь стать как можно меньше. Боль полностью охватывает меня.

– Ох, дед.

Всего два слова. Но так много воспоминаний.

Я, еще совсем маленькая, сижу с ним в седле на Эдисоне. Помню жаркое летнее солнце, запах кожаной куртки деда с намеком на одеколон с ароматом хвои, которым он всегда пользовался.

Иду вниз по лестнице, мне лет одиннадцать или двенадцать, слышу, как он разговаривает по телефону.

– Забудь об этом, Молли. Она в порядке. Пока она со мной, она счастлива. – Я слышу, как он вешает трубку, и в ту же секунду хмурое лицо освещает улыбка, когда он замечает меня.

Дед обнимает меня так, как только он умел, в последний раз, когда мы вместе уезжаем с его ранчо в аэропорт. Мне только что исполнилось восемнадцать, и я стала для него легкой добычей в новом виде поддразнивания: дед изводит меня вопросами, когда же привезу к нему бойфренда, когда же наконец выйду замуж и подарю ему правнуков.

А теперь... теперь он никогда не получит ответов на эти вопросы. Да и я чертовски *боюсь*, что сама этого никогда не узнаю.

Кажется, что я останусь на полу навсегда, но шум в коридоре заставляет меня поднять голову. Комната все еще плы-

вет перед глазами, но слезы высохли. Глаза печет, как будто в них насыпали горячих угольков.

Больно мигать. Больно дышать. Больно жить. Я убеждаю себя, что просто должна привыкнуть к этому. К боли. И что она не пройдет в ближайшее время.

Из коридора раздается звук закрывающейся двери. Готова поспорить, снова этот мужик.

Встаю с пола, подхожу к большой двуспальной кровати с высоким матрасом. Улыбка растягивает непослушные губы. Мне было четырнадцать лет, когда я впервые заинтересовалась дизайном. Должно быть, я *часами* смотрела канал «Дом и Сад»¹⁰. Мама не разрешила обставить мою спальню в доме, где мы тогда жили, но летом дед позволил мне переделать комнату на ранчо.

Я сказала, что уже слишком взрослая для односпальной кровати с розовым и белым балдахином, которая стояла тут, сколько я себя помнила. Он предоставил свободу действий, разве что не разрешил делать никаких пристроек. А я заявила, что должна понимать бюджет, чтобы можно было составить реальный проект. Дед согласился. И мне было так весело распечатывать фотографии из интернета и прикреплять их на пробковую доску, показывая ему все! Я, вероятно, накидала около двадцати эскизов, прежде чем остановилась на

¹⁰ Канал «Дом и Сад» – американский базовый кабельный и спутниковый канал. Специализируется на шоу формата «как самому...» с акцентом на поиск дома, его перепланировку, обустройство, ремонт, дизайн, а также садоводство и ремесла.

теме комнаты в стиле рустик¹¹. Естественно, его любимый. Мой тоже.

Я очень не хотела уезжать из этой комнаты той осенью в школу в Орегоне.

На самом деле я в принципе ненавидела покидать ранчо.

Глубоко вздохнув, я провожу рукой по пуховому одеялу, радуясь, что комнатка оформлена в том стиле, который мы выбрали. Мне до сих пор он нравится так же сильно, как и в то время.

Мебель из натурального дерева и красно-зеленый плед. Возможно, не во всех домах это смотрится хорошо, но в нашем подобный дизайн всегда будет выглядеть уютно и современно.

В Орегоне тоже встречались любители стильной простоты, но именно здесь, вдали от других жилых домов, такое оформление смотрелось наиболее уместно.

На следующий год я отремонтировала другие комнаты. И снова дед дал мне полный карт-бланш и определил мой бюджет. Я наслаждалась каждой минутой, проведенной без сна над чертежами и эскизами: охотничьи домики, небольшие коттеджи, даже лоскутные одеяльца, – все намного удобнее и практичнее, чем мог бы вообразить в самых смелых мечтах

¹¹ Стиль рустик в интерьере – основополагающая идея интерьерного стиля рустик заключается в удачном сочетании природных, естественных материалов, подверженных минимальной обработке, с новинками технического прогресса.

сказочный Пол Баньян¹².

Мысленно представляю преобразившуюся кухню. У меня пока не было времени, чтобы как следует все там рассмотреть, но на первый взгляд хай-тек и деревенский стиль были невероятно гармонично объединены с помощью царящих в ней землисто-коричневого, черного и золотистого цветов.

Звонок мобильного пугает меня.

Черт, скорее всего, это родители. Прошло уже несколько часов с тех пор, как я в отвратительном настроении уехала из отеля. Нет никакого желания отвечать, но я все же должна как минимум уведомить их, что добралась без приключений.

Я открываю сумочку и достаю телефон. И меня охватывает чувство громадного облегчения, как только вижу высветившееся имя.

Алекса Майби – единственный на этой планете человек, понимающий, как много значил для меня дед. Провожу пальцем по сенсорному экрану.

– Привет!

– Привет, подруга. Ты там жива? Я переживала. Хотела звякнуть еще вчера вечером, но подумала, что ты наверняка занята этими – сама знаешь кем. Как ты, держишься там?

От звука ее вечно бодрого голоса я бы разрыдалась, если бы мои глаза не были уже сухими и горячими, как песок в пустыне.

¹² Пол Баньян – вымышленный персонаж американского фольклора, представляющий из себя гигантского дровосека.

– Скорее да, чем нет. Похороны прошли нормально.

– Уверена? Что-то ты звучишь не особо.

Я вздыхаю. От нее невозможно что-либо скрыть. Мы были соседками по комнате с первого года обучения в колледже. И лучшими подругами. Она знает меня как свое собственное отражение. Я сажусь на кровать и снова вздыхаю.

– Ты и правда хочешь знать? Ладно. Это просто какой-то кошмар.

– Я знаю это, Беллочка, – говорит Алекса. – Я бы очень хотела найти слова или возможность сделать для тебя хоть что-то, чтобы облегчить горе, но...

– Все хорошо. Никто ничего не может сделать, но мне приятно слышать твой голос. Это очень помогает.

– Родители там? – Я слышу беспокойство в ее голосе, когда она задает этот вопрос. Понизив голос практически до шепота, Алекса уточняет: – Стесняюсь спросить, твоя Мамзилла тоже там?

Слыша дурацкое прозвище, данное подругой моей матери, я впервые за день смеюсь по-настоящему. Алекса не любит моих родителей даже больше, чем они ее.

Мать называет Алексу «недостойной», что бы это ни значило. А отец... ему совершенно до лампочки.

– Слава богу, не на ранчо. Они остались в городе, в отеле, как понимаешь, в президентском люксе.

– Ну и чудненько. Больно они тебе там сейчас нужны со своей хренью.

– Ну, дело в том, что эта их хрень – мой крест на всю оставшуюся жизнь. Но то, что происходит *сейчас*, это вообще... – Я сглатываю ком в горле.

Разумеется, я ее заинтриговала. И она ждет продолжение. А как это объяснить любому нормальному человеку?

– Дедушка все оставил мне, – выпаливаю я.

– Он оставил... Ни фига себе заява! Вообще все?! Ты что, шутишь?

Молчание красноречивей любых слов. Она громко покашливает.

– Позвольте на секунду заметить, что я была представлена еще *до того*, как вы стали знаменитостью. И напроситься на вечеринку в Голливуде с каким-нибудь горячим парнем из Инстаграма, за которого вы решите выйти замуж. Хотя на фига тебе парень? Обзаведись целым гаремом!

– Лекса-а-а... – Я изо всех сил стараюсь не рассмеяться.

Она забавная, но сегодня, с учетом всего случившегося, это не к месту.

Ее визг, которому позавидовал бы и «Мак-5»¹³, и последовавший легкомысленный смешок такие громкие, что я убираю трубку подальше от уха.

– Боже, дамочка, я бы хотела увидеть своими глазами выражение лица твоей мамы в тот момент! Это должно быть *бесценно*! – Отсмеявшись, она продолжает: – Прости, я понимаю, что это не совсем прилично... Но я уже говорила,

¹³ «Мак-5» – спортивный болид из фильма «Спиди-гонщик».

что просто не могу поверить в ваше родство.

Алекса и правда говорила это много-много раз. Каждый раз, когда мама уходила от нас.

– Придется поверить, – говорю я. – Помнишь? Это из-за меня ей пришлось пройти через операцию. Роды испортили ее идеальное тело. – Я стараюсь произнести это со смехом, но мама действительно несколько раз при мне так сказала.

– О да, конечно-конечно. Держу пари, что именно поэтому ей пришлось исправлять форму носа.

И я не выдерживаю и все же смеюсь вместе с ней. Вот почему матери никогда не нравилась Алекса. Девушка говорит, что думает, без прикрас. За это я так ее ценю.

– Да ладно тебе, ты прекрасно знаешь, что я имела в виду подтяжку живота и груди после родов.

– Сколько раз? Хм, я вроде как сбилась со счета, пытаюсь вычислить, какую из частей своего тела она еще не подтягивала, – продолжает веселиться Алекса.

Она чертовски права, к сожалению. Основная причина, по которой мы переезжали с Западного побережья на восток и обратно, когда я была маленькой, заключалась в том, что мама хотела находиться поближе к самым лучшим клиникам пластической хирургии.

– Я скучаю по тебе, Лекса, – говорю я, вытирая слезы со щеки. Эти хотя бы от смеха.

– Я тоже. – Ее голос смягчается. – И-и-и... надолго ты там? Много забот? Я имею в виду, что процесс вступления

в наследство, да еще такое значительное, наверняка связан с кучей проблем? Просто хочется надеяться, что ты там застряла не навсегда.

На мои плечи опускается тяжесть. Мне казалось, самое сложное я ей уже рассказала, но шесть месяцев здесь? С чего, блин, начать?

– Ну... я даже не знаю, сколько потребуется времени на это. Адвокат вкратце описал мне ситуацию после оглашения завещания, но, если честно, я тебе даже пересказать не смогу. Я была как в тумане.

– Ясен пень. У кого угодно мозги вскипели бы. Надеюсь, он это понимает.

Я киваю, хотя знаю, что она меня не видит.

– Понимает. Он приятный человек. Сказал, что поможет мне во всем. Завещание было очень специфическим. Дед прописал буквально все, черт побери. Мы встретимся с адвокатом через несколько дней. После того как родители уедут и страсти утихнут. – Я окидываю комнату взглядом. – Алекса, должна признаться, я понятия не имею, когда вернусь в Калифорнию. Это завещание... оно странное. Ты помнишь мои рассказы о дедушке? Он был потрясающим, но иногда немного эксцентричным. По завещанию я должна прожить на ранчо шесть месяцев.

– Шесть месяцев? Серьезно? – Ее голос меняется, но она не злится. Скорее, тревожится и расстраивается.

Я выдыхаю с облегчением.

– Не волнуйся. Я переведу тебе свою долю за аренду квартиры.

Честно говоря, я собираюсь отправить немного больше, но по телефону не буду говорить об этом. Я знаю, что она сто процентов откажется.

– Не-а, офигеть! Шесть месяцев. Но лишь бы ты была счастлива, Беллочка, – говорит она мне, возвращаясь к своему обычному тону.

– Я... счастливее, чем ты думаешь. Прошло столько лет, пока я наконец смогла вернуться в этот маленький городок. Я люблю это место, если честно. Всегда буду любить.

– Знаю, но, черт возьми, я буду скучать. Так что ты там давай, приезжай, как только сможешь.

– Как только – так сразу. – Мое сердце учащенно бьется в груди.

Я буду безмерно скучать по подруге. Не желая снова разреветься, я говорю:

– Короче, как сказала, я все равно буду оплачивать половину арендной платы и ежемесячные счета. Так что ты на этот счет можешь не...

– Прекрати немедленно! Я не поэтому буду скучать по твоей мордахе, и ты это знаешь.

Она замолкает на мгновение. Я тоже.

Нам сложно выражать чувства, понимаете? Я имею в виду по отношению друг к другу. Никто и ничто не могло помешать нашей дружбе, или нашим попойкам, или задушевым

беседам о понравившихся мальчиках. Мы были неразлучны. Но мы никогда не задумывались о будущем нашей дружбы.

– Ты моя лучшая подруга, – говорит Алекса. – Я видела тебя практически каждый день в течение последних шести лет. Ты Моника для моей Рейчел¹⁴. Я никуда не денусь, и ты тоже, дамочка.

Вот как она всегда описывала нас, и это было правдой.

С первого дня ее «инь» и мой «ян» сделали нас подходящими друг другу подружками. Последующие годы превратили нас практически в сестер. С совершенно разными родителями, конечно.

У нее просто потрясающие родители. Мои, ну... не настолько.

Шесть месяцев без Лексы – это какой-то капец.

– Может, ты прилетишь сюда, в этот маленький американский городок? Типа на длинные выходные или что-то в этом роде.

– Ну, может, и так. Посмотрим, как там сложится с моей работой. Я пока еще не отработала достаточно долго, чтобы попросить отпуск.

А то я не знаю. Она только четыре месяца назад устроилась на работу своей мечты в качестве мультиплатформенного редактора для крупной телерадиокомпании, трудясь над всем – от ситкомов до ежедневных выпусков новостей.

¹⁴ Моника, Рейчел, Фиби, Чендлер, Джоуи и Росс – персонажи культового американского комедийного телесериала «Друзья».

– Нет проблем. Просто одна из нас в какой-то момент сядет в самолет. И по-любому я осенью точно буду в Калифорнии.

– Это было бы здорово! А до тех пор не вздумай пропадать.

– Я буду звонить каждую неделю, Лекса, и держать тебя в курсе всех событий.

– Куда ты денешься, ведь это я буду тебе названивать.

Мы обе смеемся. Я благодарна вселенной за такую потрясающую подругу.

– Ладно, ты скажи, тебе что-нибудь надо? Что я могу послать тебе? Отправить курьером?

– У меня есть все что надо, но спасибо.

– Просто дай мне знать, если вдруг потребуется. Одежда. Обувь. Немного цивилизации.

Я снова смеюсь.

– Да ладно тебе. Тут же не Антарктида или что-то в этом роде. Даже если зимы тут суровые.

Честно говоря, она у меня та еще шмоточница. У нее шкафы вечно забиты ультрамодными новинками. В отличие от моей мамочки я никогда особо не следила за модой и была равнодушна к брендовым вещам.

– Все, что мне надо, я могу купить и тут в магазине. Даллас – маленький город, но тут есть...

– Магазин, в котором продаются джинсы и майки? – спрашивает она. – Ну, в принципе, учитывая, что это то, что ты

обычно носишь...

«Чокнутый Шек» – один из самых известных магазинов в Далласе. По крайней мере, был раньше. Там продавали настоящую одежду в стиле покорителей Запада, от которой у меня сносило крышу. Каждое лето я закупала себе полностью новый гардероб. И каждый раз мне приходилось все оставлять у деда.

Когда бы я ни пыталась привезти с собой что-то понравившееся, мама находила и выбрасывала, предварительно отругав за отвратительный вкус и любовь к «дешевой фигне для пастушек».

Я надеюсь, что этот магазин все еще работает, потому что у меня наконец есть время и деньги, чтобы наслаждаться тем, что выбираю я. С улыбкой говорю Алексе:

– Прямо сейчас на мне твое маленькое черное платье, которое я одолжила у тебя на похороны. – Поднимаю ногу. – И твои черные лодочки.

Она смеется.

– Я рада. Даже если люди грустят, они должны делать это стильно. Что сказала Мамзилла?

– Думаю, она даже не заметила.

Я снимаю волос с платья. Конский. Эдисона.

– Я отправлю тебе и платье, и туфли по почте. Спасибо за то, что выручила, но... я не уверена, что когда-нибудь снова захочу увидеть этот наряд.

– Заметано.

– Еще раз спасибо, Лекса. Мне это было необходимо. – Я лениво кручу волос между пальцами. – Мне пора. Приму душ и переоденусь. – А потом пойду в амбар повидаться с Эдисоном. Он, вероятно, ждет меня.

– Ты там одна? На ранчо?

Черт. Она как чувствует что-то. Тон, которым она задает вопрос, – как будто что-то *знает*.

– Хм... нет. – Дрожь пробегает по позвоночнику.

Должна ли я рассказать о мистере Крышесносном? Было бы неплохо для начала вспомнить его имя.

Алекса была бы в восторге, узнай она, что я не одна. И что я делю дом с парнем, от которого ей бы снесло башню, рассмотри она его как следует. Я видела книги, которые она читает. Если бы этого мужчину поместили на обложку, то девушки свернули бы шеи, пытаюсь разглядеть книжку на полке.

И, разумеется, у нее тут же найдется масса предложений по поводу того, как именно его надо использовать.

Вот поэтому я и не хочу ей ничего говорить о нем. Не прямо сейчас уж точно.

– Эдисон здесь. Я и правда не одна.

– Эдисон-Эдисон? Тот конь? Он все еще жив?

В моей спальне в нашей квартире висит картина на холсте – я и конь.

– Жив, здоров и великолепен, как всегда. Он встретил меня, когда я подъезжала к дому.

– О, черт, это круто. Приласкай его от моего имени. Или что вы там делаете с лошадьми.

– Обязательно.

– Значит, ты там одна? Только с Эдисоном?

Я знаю, почему она так настойчиво спрашивает. Я трусиха. Всегда была.

Ненавижу оставаться в одиночестве.

С самого детства. А еще я с самого детства совершенно не умею врать.

– Технически нет, не одна. Здесь, на ранчо, живет еще старый армейский приятель моего дедушки, которого он тоже упомянул в завещании. Он поможет мне.

– О, отлично! Я рада слышать, что ты не одна. Ну все, я тебя отпускаю. Звони мне.

– Ты тоже.

Слава богу. Неловкий момент с полыхающими от смущения щеками предотвращен.

Я отключаю телефон и бросаю его обратно в сумочку. Душ, переодеться в свое и повидаться с Эдисоном. Все три пункта плана звучат восхитительно.

Вытащив все необходимое из чемодана, иду в ванную.

В ней тоже сделан шикарный ремонт. И я снова отмечаю, что все новшества удивительным образом гармонично вписываются в очарование старого сельского дома. Я сама не сделала бы лучше.

Кто бы мог подумать, что у мистера Крышесносного еще и

руки золотые? И это плюс к тому, что парень выглядит жарче, чем солнце, а подкрадывается бесшумно, как пантера.

Керамическая плитка в душе великолепна, новая встроенная ниша для мыла и шампуня, запах которого напоминает мне о нем, мистере Высоком, Татуированном и Мускулистом.

Тот же аромат наполнил воздух, когда он вывалился из двери ванной в нашу первую встречу.

Классный аромат, такой... мужской.

Я мою голову своими шампунем и бальзамом, оставляя бутылочки рядом с другим набором, стоящим в маленькой нише. Обсохнув и переодевшись, я подсушиваю волосы феном, затем иду обратно в спальню напрямик к шкафу. Открываю дверцу и кидаю трусики и лифчик в плетеную корзину рядом с несколькими парами ботинок, а затем вешаю на плечики черное платье.

Вешалки забиты старой одеждой, которую я оставила здесь много лет назад. Я в задумчивости разглядываю вещи, пытаюсь решить, можно ли что-нибудь из этого использовать. Джинсы под вопросом, а вот сапоги и рубашки вполне могут налезть. Тут куча всего, что надо будет примерить.

Ковбойские рубашки с длинными рукавами, кое-какие из них на кнопках вместо пуговиц, как летние хлопковые, так и в более теплом варианте – из флиса. Я достаю сразу оба варианта. Одна в розовую и голубую клетку, вторая – черная вельветовая. Поворачиваюсь к зеркалу, установленному

внутри шкафа, и сердце выскакивает из груди.

– Что за?..

Я бросаю черную рубашку на стул рядом со шкафом и натягиваю клетчатую прямо поверх белого топа, прежде чем приподняться на цыпочках и отклеить оранжевый стикер, прилепленный к верхней части зеркала.

И в этот раз записка – всего пара слов:

«Добро пожаловать домой, Белла. Доверься приключению.

С безграничной любовью, дед».

* * *

Я сияю.

– Я так и сделаю, дед, и тоже всегда буду любить тебя.

Я подхожу к прикроватной тумбочке, чтобы оставить на ней записку, и начинаю хохотать над тем, что нахожу там. Это свежая коробка с леденцами.

– Ох, дедушка, ты обо всем *подумал*, – шепчу я.

Открыв упаковку, я достаю конфету и очищаю прозрачный целлофан. Затем кладу в карман рубашки и возвращаюсь к шкафу за коричневыми ковбойскими сапогами. Они мне в самый раз и так удобно сидят на ноге, что сердце переполняет счастье. В последнюю секунду переодеваю штаны и напялив темную рубаху вместо легкой, я направляюсь к две-

ри, готовая к встрече с Эдисоном.

Конь в загоне рядом с амбаром, его большие карие глаза наблюдают за мной, пока я бегу по ступенькам крыльца. Он тихо ржет, когда я обхожу свой джип.

– Иду, иду, приятель. Придержи лошадей, – говорю я ему, смеясь над собственной глупой шуткой.

Так и должно быть. Старые друзья. Глупые шутки. Свежий весенний воздух.

Его голова торчит над верхней перекладиной, и он фыркает, словно говоря: «*Поторопись*».

– Я хотела устроить тебе сюрприз. Но ты уже знаешь, что у меня есть, не так ли?

Он тихонько ржет, когда я подхожу к загону.

– Ладно, ладно. Все уже. – Я целую его в морду и вытаскиваю леденец.

Он вскидывает голову, а затем вытягивает шею и откусывает половину конфеты.

Я глажу его, пока он жует.

– Тебе повезло, что твои зубы остались целы после того количества леденцов, которое я скормила тебя много лет назад.

Он кривит губы, словно желая показать, что все зубы у него в идеальном состоянии.

– Никогда не меняйся, – шепчу я, качая головой, и протягиваю конфету, чтобы он мог откусить еще раз.

Пока он хрумкает, я оглядываюсь через плечо на звук от-

даленного мотора.

Через западное поле едет квадроцикл. Опознаю водителя по внушительной фигуре и ругаю себя, что не могу вспомнить его имя.

Черт, как же там было? Я закрываю глаза, пытаюсь припомнить наши беседы с дедом. Вместо этого перед глазами стоит сцена знакомства – он после душа, требующий, чтобы я перестала орать.

Блейк?

Нет, Дрейк.

Дрейк Ларкин.

Эдисон толкает меня в плечо. Я даю ему последний кусочек леденца и тихо спрашиваю:

– Что *ты* думаешь о мистере Ларкине? Странный парень, не так ли?

Эдисон фыркает и топает ногой. И снова толкает меня.

– Правда? – Я смеюсь. – Прямо настолько?

Конь снова кивает головой.

Я хлопаю его по носу.

– Тогда все в порядке. Если ты одобряешь, то я рада, что он здесь. Что-то подсказывает мне, что нам понадобится любая помощь, которую мы можем получить. – Квадроцикл уже почти у амбара, поэтому я наклоняюсь ближе к Эдисону и шепчу: – Знаешь, я рада, что он не настолько стар, как я себе представляла. Было бы довольно странно, если бы кто-то старше папы слонялся поблизости.

Эдисон обнюхивает мою ладонь.

– Эй, нет, парень, ты стрескал свою порцию на сегодня.

Больше не дам.

Квадроцикл останавливается рядом со мной. Я вижу, что он большой, из тех, где рядом с водителем может сесть еще один человек. На самом деле там спокойно усядутся даже два пассажира.

– Ты дала лошади леденец? – спрашивает Дрейк.

– Ну да. – Я приноравливаюсь и чешу Эдисону шею под головой. – Разве дед никогда не говорил тебе? Это лучший конь на всем белом свете. Все остальные...

– Все остальные лошади только мечтают хоть немного быть похожими на него, – заканчивает Дрейк за меня. – Я уже понял.

Я смеюсь. Именно так звучала «реклама» Эдисона в устах деда.

Может быть, потому, что я вспомнила имя, начинаю замечать в Дрейке кое-что другое. На этот раз он одет, и я могу не прятать глаза. Татуировки и горы мышц – не единственное, что я теперь вижу.

Конечно, на встрече в кухне он тоже был одет, но мой разум все еще был в смятении. Теперь я спокойна.

Отмечаю яркий небесно-голубой цвет глаз в окружении темных ресниц. Темно-русые волосы подстрижены, но достаточно длинные, чтобы их можно было перекидывать в любую сторону, а отросшая за день щетина, странным образом

притягательная на вид, покрывает нижнюю челюсть.

Если бы классический ковбой из Северной Дакоты, описанный в женских романах, решил заглянуть в тату-салон, прежде чем предстать во всей красе, он бы недотянул до Дрейка.

С трудом отведя взгляд, я киваю, прислонившись головой к коню.

– Эдисон – единственный в своем роде. Я рада, что дед поделился с тобой нашим любимым выражением.

– Ну, ему тоже есть, о чем мечтать, если остальные лошади так же одержимы идеей побегов из загона.

Его суховатый юмор заставляет меня рассмеяться.

– Он так и сражается с замками, да?

– Черт, да. Я не смог догнать его до самого озера и думаю, что он остановился только потому, что прикидывал – переплыть его или построить мостик.

Я хихикаю, но затем вылавливаю основное. Что-то подобное он уже говорил там, в доме. Зачем Эдисону спешить к озеру?

– Что ты там делал, дружище? – спрашиваю я Эдисона.

Конь фыркает.

– Это очень странно. Он всегда обожал взламывать замки, но никогда не убегал слишком далеко, – говорю я вслух, поглаживая голову коня. – Надеюсь, это не потому, что он старенький, и он не потеряется в один прекрасный день.

Эдисон беспокойно двигается под моими пальцами. *Ста-*

ренький? Я вас умоляю.

– Думаю, он направлялся в город, – говорит Дрейк, взъерошивая рукой свои волосы. – Он скучает по хозяину.

Боль в сердце, которая еще долго не пройдет, возвращается.

– Он знает, что деда больше нет.

– Чертовски верно, – отвечает Дрейк.

Я закрываю глаза, слезы вот-вот польются снова. Но в этот раз я плачу из-за Эдисона. Он не знает, что случилось, почему деда нет с нами.

Дрейк прочищает горло.

– Я собираюсь сообразить какую-нибудь еду. Это был долгий день. Ты голодна?

Я отрицательно качаю головой.

– Спасибо, не надо. Рассчитывай только на себя. – Я не могу произнести больше ни слова. Трудно дышать. Эмоциональные перепады, вызванные известием о смерти деда, продолжают терзать меня.

– Передумаешь, крикни. Я скоро вернусь.

Дрейк дружески салютует и уезжает. Я остаюсь там, где была.

Обнимаю Эдисона и задаюсь вопросом, смогу ли я действительно сделать это.

Хоть что-нибудь?

Все это?

Я иду в амбар и открываю дверь в загон, чтобы Эдисон

мог присоединиться ко мне.

Мы застреваем там надолго. Я провожу еще час, расчесывая его и разговаривая с ним, рассказывая, как бы я хотела, чтобы все было иначе, чтобы я приехала раньше. Сообщаю, как злюсь. Да, глупо сердиться на деда, но невозможно отрицать, что в глубине души я злюсь на него. Он умер и оставил мне все, чем когда-либо владел, без единого намека на то, что это произойдет. Я раздражена, потому что должна бороться с родителями, которые не сдаются легко, когда дело доходит до денег.

Злюсь, что могло быть еще хуже. Все это.

Потому что, если бы дед выжил, но нуждался в заботе, они бы *никогда* не спорили со мной о том, кто должен помогать. Они позволили бы мне взять на себя эту ответственность без единого спора, за исключением того, что я буду отчитываться им по поводу их драгоценных вонючих денег. Единственное, что когда-либо их заботило, – деньги. Приземленные люди с предсказуемыми мечтами.

На улице становится совсем темно, когда я выхожу из амбара и возвращаюсь в дом. Свет включен, вокруг жутко тихо. Душевно измотанная, я плетусь наверх, не желая даже задуматься о завтрашнем дне.

Лампа в коридоре горит, и это хорошо, потому что иначе я бы точно споткнулась о стоящий под дверью моей спальни поднос.

Мои изумленно приподнятые брови сходятся в одну ли-

нию при виде этого последнего на сегодня сюрприза. К счастью, приятного.

Бутерброд, немного орехов и фруктов, термос с горячей водой и пакетики чая.

Я поднимаю поднос и несую в спальню, не желая обижать Дрейка.

Да нормальный он парень. Вот, пожалуйста, добрый поступок. То, что мне сейчас нужно. Я осознаю это, уже надев пижаму и сунув нос в предложенное. Начинаю с чая, перехожу на яблоко, а потом беру остальное.

Я с удовольствием доедаю все. Мысленно сделав заметку поблагодарить мужчину утром, я забираюсь в кровать и мгновенно отрубаясь. Последнее, что предстает перед внутренним взором: Дрейк Ларкин, теплая, таинственная улыбка и голубые глаза.

IV: Иногда по ночам

Дрейк

Перед глазами так и мелькает эта горячая штучка, когда я наконец заваливаюсь спать.

Я не должен думать о ней так много. Мне постоянно приходится врать, глядя ей в глаза, и оттого я чувствую себя ослом. Хотя с этим я смирился, уверив себя, что это для ее же блага.

Нельзя, черт возьми, допускать, чтобы внушка Джона влияла на меня подобным образом. Я ведь знаю, что мой член реагирует так не только потому, что она притягательна, как самый сладкий грех. Это еще из-за наступления ночи, которую я просто ненавижу: долгий тяжелый день закончен, и мне больше нечем занять себя.

Эти тихие колдовские часы всегда одинаковы прокляты, потому что притягивают все тех же чертовых призраков.

Ночь за ночью, месяц за месяцем, год за годом.

* * *

Много лет назад

– Так нечестно! Ты должен сражаться под открытым небом, ты, жопа с ручкой!

Энджи заворачивает за снежную горку, что выше ее раз в десять, хихикая и бросая очередным снежком в нашу сторону. Она возглавляет маленькую армию ребяташек, своих друзей. Играем семь на два, и мы в меньшинстве. Но я из тех парней, которые обожают рискованные авантюры, к тому же сейчас у нас есть одно преимущество – тщательно выстроенная ловушка.

– Сначала поймай меня! – кричу я в ответ. Я мчусь по снегу, взбивая ботинками белую пыль, едва успев заметить красное, смеющееся лицо Энджи. Моя младшая сестра может быть той еще занозой в заднице.

Но я ухмыляюсь, потому что она вечно нарушает правила игры, так что будет справедливо, если она на собственной шкуре испытает последствия подобного поведения.

Она и тот паренек, что живет ниже по нашей улице, так и не поняли, что происходит, когда я минуту назад выполз из-под замерзших кустов и забросал их обоих снежками со спины.

Мне нужно, чтобы они кинулись в погоню.

– Дрейк, давай скорее! – на грани слышимости шелестит голос Винни из секретного форта. Это аккуратный лаз в одном большом снежном сугробе, пещерка, которую мы вырыли пару часов назад.

Я нечаянно натыкаюсь на Винни, когда заползаю внутрь.

Она смеется, и мы падаем друг на друга. Рад, что сейчас настолько холодно, что эти снежные стены держатся; иначе я мог бы своими движениями обрушить их и похоронить нас заживо.

– Вставай, вставай же! Они идут, – шепчет она, хихикая и пытаясь оттолкнуть от себя.

Я карабкаюсь, оглядываясь назад в поисках тайного стратегического запаса.

Бинго. У нас спрятано около тридцати свежих снежков, приготовленных для ребят, которые думают, что сегодня они нас одолеют.

– Винни, надо...

Не-а. Она уже. Я просто тормоз по сравнению с моей лучшей подругой, которая сейчас швыряет три огромных белых пушечных ядра. Молниеносно. Ни хрена себе! Радуюсь, что она на *моей* стороне.

С Винни всегда так. Я встретил ее прошлым летом в школе. Она сначала казалась застенчивой, тихой девчушкой из резервации, что прямо за Кинсливиллем, но я очень быстро уяснил – удар у нее что надо.

– Давай, скорее же! – поторапливает она меня. Я смаргиваю и кидаюсь наперстывать, выпаливая один залп за другим прямо во врагов, которые и не подозревают, что их увлекают в засаду.

Майки МакГрегору один из ударов приходится прямо в щеку, а это, блин, больно, и он же первым соображает, что

пора уносить ноги с поджатым хвостом.

Я смеюсь, видя замешательство на лице сестры. Ее подруга, Дженни, разворачивается и визжит, пытаясь увлечь за собой Энджи.

– Отступа-а-а-а-а-а-а-а-а-аем! – кричу я, прижимая ладонь ко рту.

Стоящая рядом со мной Винни не слышит меня, потому что хохочет так сильно, что даже не может продолжать обстрел.

Энджи поворачивается. Отличный момент! Не проходит и трех секунд, как я кидаю еще один огромный снежок прямо им под ноги! Еще через секунду я вижу, как их разноцветные одежды исчезают за холмом.

Йессс!

– Черт побери, Винни! *Сработало!* – говорю я.

Она сверкает заразительной улыбкой. Брекеты на ее зубах делают ее похожей на маленькую акулу.

– Я же говорила, Дрейки. А вот ты просто хотел укрыться в гараже папочки.

– Ладно, ладно, твоя взяла. Теперь я знаю, почему они так тебя называют¹⁵, – говорю я, скривив рожу.

Она так пихает меня локтем, что я роняю снежок, который держу в руках.

– Отставить стрелять по своим!

Хихикая, я хватаюсь за нее, и мы наслаждаемся нашим

¹⁵ Игра слов: (англ.) win – побеждать, Winnie – имя девочки.

маленьким триумфом. Думаю, у нас есть минут пять, прежде чем Энджи наберется смелости снова напасть на нас со своими приятелями, и в этот раз они буду подготовлены.

– Давай. Мы должны перебраться в следующий форт. Они накинутся на нас, как злые осы, – говорю я, помогая ей подняться.

Даже сквозь рукавицу я чувствую, как холодна ее маленькая рука.

– Дрейки, идешь первым. У тебя классно получается прокладывать для нас путь, а я могу застрять. Ну и дерешься ты тоже ничего, иногда. – Она высовывает язык, поддразнивая.

– У меня классно получается прикрывать тебя, Винни. А у тебя – меня. Мы отличная команда.

– Да, наверное, – говорит она, снова превращаясь в стеснительную восьмилетнюю девочку, глядя на которую никому и в голову не придет, что она первая кидается защищать меня как тигр, если дело доходит до драки. И я рад, что это так. – Думаешь, так будет всегда?

– «Так» – это как? Все время зима? Да, надеюсь на это! Больше всего на свете я люблю играть в снежки и кататься на санках.

Она улыбается, но не по-настоящему. Почти... грустно?

– Хотелось бы, чтобы так было во веки веков. Но так не будет, – говорит она. – Ты же видел, как живут взрослые?

Я киваю.

– Ага, скукотища. Мы не можем позволить, чтобы такое

произошло и с нами. Я не собираюсь оставаться в этом городе. Когда-нибудь я уйду служить в армию и буду заниматься всеми этими крутыми штуками. Ты знаешь, что им приходится водить танки? Танки, Винни!

Она смеется и качает головой.

– Готова поспорить, что это намного круче, чем когда отец разрешает тебе порулить газонокосилкой. Звучит прикольно. А я не думаю, что когда-нибудь уеду отсюда.

– Обещай себе, что уедешь. Просто наберись духу и сделай это. Мы свалим отсюда вместе. Нужно попробовать.

Я снова улыбаюсь ей, удивляясь, почему сегодня она кажется такой странной и серьезной.

– Да, но... что, если я не смогу этого сделать? Ты просто уйдешь и перестанешь быть моим другом?

Я останавливаюсь на секунду. Мы почти добрались до нашего нового форта, и я не понимаю, почему у Винни слезы на глазах. Это от холода? Или просто девчонки такие чувствительные?

– Винни, эй, мы свалим отсюда. Еще лет десять, и...

– Что, если я застряну тут? Если не смогу? Мама всегда говорит, что уезжать глупо. Она считает, что мне лучше уяснить это как можно быстрее. Может, она права. Она провела всю свою жизнь здесь, в резервации.

Я молчу, ничего не говорю, ненавидя одинокую слезу, катящуюся по ее щеке.

– Не имеет значения, Винни. Я буду приезжать домой и

всегда буду твоим другом, если ты захочешь.

Она энергично кивает, и улыбка стирает грусть с ее лица. Затем мы поворачиваемся, слышав скрип шагов по снегу разыскивающих нас детей.

– Так, ладно! Давайте покажем, что мы можем надирать им задницы целый день.

* * *

Наши дни

Прямо напротив меня заледеневшее лицо. Человек смотрит мне в глаза. Он слишком бледен, чтобы что-либо сказать, улыбнуться или пошевелиться. Это кто-то невинный, кого я любил. Сначала черты похожи на моего лучшего друга, а потом вдруг напоминают лицо отца.

– Черт возьми! – Я подсказываю и ударяюсь об изголовье кровати, весь в холодном поту.

Дерьмо.

Сон. Кошмар. Воспоминания. Хреновые воспоминания, из тех, от которых кишки выворачиваются.

На дворе раннее утро. То самое время, когда я обычно просыпаюсь, вот как сейчас. И так все последние четыре или пять лет; я никогда не сплю больше шести часов в сутки.

Но сегодня кошмар был слишком ярким, и это о чем-то говорит.

Я встаю, ненавидя себя за каменный стояк, хотя несколь-

ко часов подряд меня одолевали грустные мысли. Дерьмо, которое хотел бы, имея кнопку памяти, нажать и просто-напросто забыть.

Но в жизни все по-другому. Я понял это давным-давно.

Может быть, мне так чертовски грустно, потому что урок, которого никак не избежать, находится прямо напротив, через коридор. На меня наваливается невыносимая тяжесть.

Назовите это предчувствием.

Прежде чем все это закончится, бедная, оплакивающая Джона девушка, похоже, получит пару-тройку подарков из преисподней, которые захочет забыть.

V: Сделка

Белла

Я чувствую себя потерявшейся в глубокой темной дыре. Тщетно пытаюсь выбраться наружу и с усилием продираю глаза. Узнав комнату и увидев солнечный свет, я расслабляюсь и вздыхаю.

Сон. Всего лишь дурацкий сон на тему клаустрофобии.

От стука в дверь глаза распахиваются. Как во сне, кто-то стучал в дверь, а приглушенные голоса пытались направить меня в нужную сторону...

Откинув одеяло, вылезаю из кровати и иду к двери, приоткрыв ее совсем немного – только щелочка.

– Прости, что разбудил. Все думал, ты вот-вот встанешь.

Дрейк. Огромный, серьезный, его ярко-голубые глаза мерцают, изучая меня. Не уверена, что мне подходят такие интенсивные пробуждения...

Я вынуждена моргнуть пару раз, чтобы сфокусировать взгляд. Сегодня он одет в черную футболку и джинсы, и его лицо светится торжественным, но при этом слегка измученным выражением.

Боже, только не говори мне, что у нас очередные плохие

новости!

– Уже почти одиннадцать. – Он наклоняет голову, не вполне уверенный, поняла ли я, что он сказал.

– Одиннадцать часов? – Я в шоке. Я не просыпалась так поздно уже много лет.

– Я понимаю, что ты измотана, поэтому не хотел беспокоить, но тут звонил Роджер Джонс.

Джонс? Имя всплывает в памяти.

Роджер Джонс был исполняющим обязанности генерального директора «Норт Эрхарт» в течение многих лет. Дед частенько упоминал его.

– Роджер? Почему? Что-то случилось?

– Твои родители. Они были в центральном офисе сегодня рано утром, ну и наговорили там всякого.

Дерьмо!

Итак, началось. Я кидаю взгляд через плечо, готовая кинуться одеваться, чтобы можно было выезжать.

– Подожди. – Он хватается за руку – твердо, но нежно останавливая меня. – У Роджера все под контролем. Пока ничего экстренного, но я подумал, что ты захочешь знать об этом.

Против воли на лице возникает гримаса. Это будет кошмар.

– Дай мне пять минут. Я оденусь и спущусь вниз.

Дрейк кивает, я закрываю дверь и подхожу к чемодану.

Джинсы и клетчатая рубашка, которые я надевала вчера, лежат сверху. Мгновение меня одолевают сомнения. Пред-

полагаю, что владелец компании стоимостью в миллиард долларов должен выглядеть соответствующим образом, но дед никогда не заморачивался. Не раз он заявлялся в центральный офис одетым в рабочий комбинезон и кожаную куртку.

Родители будут в бешенстве, но если бы у меня был с собой комбинезон, то я бы надела именно его. В конечном итоге я все же выбираю вчерашнюю одежду и иду в ванную.

Подозреваю, что с волосами, собранными в конский хвост, я вряд ли выгляжу как хозяйка миллионного бизнеса, но именно так все и обстоит. Спускаясь чуть позже по лестнице, я твержу под нос, что должна в себя верить.

Если Дрейк и подвергает сомнению мой выбор одежды, это никак не отражается на его лице. Его взгляд – как укол булавкой, суровый, сфокусированный на выполнении поставленной задачи. Я практически не знаю этого человека, но у меня идет мороз по коже, когда только пытаюсь представить, что может случиться с тем, кто попытается перейти ему дорогу.

Он резко распахивает входную дверь, когда я спускаюсь с лестницы.

– Сегодня поведу я, – буркает мужчина. Выглядит он при этом так, что сразу становится понятно: на самом деле выбора у меня нет.

Я, наверное, должна вежливо отказаться, отреагировать типа «спасибо-в-этом-нет-никакой-необходимости», но, ес-

ли честно, сегодня я готова воспользоваться любой поддержкой, которую только могу получить.

Встреча с родителями будет нелегкой, и я не хочу видеться с ними наедине.

Поэтому я киваю, благодарю и выхожу на улицу. Первым делом замечаю большой черный пикап, припаркованный рядом с моим джипом. Хочется улыбнуться, потому что это массивный, сверкающий гляncем «ДжиЭмСи». *Неудивительно, что он понравился Джону.*

Эта машина намного новее старой красной дедовой тудяги с черными кожаными сиденьями и тонированными окнами, с суперсовременной навороченной стерео- и навигационной системой, а также динамиками, которые, вероятно, могут порвать барабанные перепонки. Вроде непритязательно, но не заметить невозможно. Я устраиваюсь поудобнее на пассажирском сиденье. Мне кажется, что машины здорово отражают характер своих владельцев.

– Так как вы познакомились с дедом? – спрашиваю я, когда мы уже движемся по подъездной дорожке к ранчо.

– Случайно.

Я поворачиваюсь, изогнув бровь, ожидая продолжения. Он смотрит на меня.

– В буквальном смысле этого слова.

– А что ты называешь случайностью? – Его едва заметная улыбка заставляет меня насторожиться. – Типа... аварии, что ли? Серьезно? – Меня аж передергивает.

Дрейк не отвечает, просто держит своими огромными та-туированными руками руль. Темные линии, стилизованные под языки пламени, оплетают его кожу, и их вязь издали похожа на перья.

Хм... огненный феникс? Мне любопытно рассмотреть поближе, но я стесняюсь делать это совсем уж откровенно.

– Господи! Только не говори, что он был виновником аварии! – наконец выдавливаю я. Я всегда переживала, когда дед мотался в город и обратно, особенно в зимнее время года.

– Нет. Это была не авария. У меня лопнуло колесо на трассе, и я еле смог доползти до этой вашей подъездной аллеи. В разгар снежной бури, несколько лет назад. Я сам облажался. Нет, я не был пьян, но... слишком уж задумался о дерьме, которое тогда творилось в жизни. Конкретном таком дерьме, милая.

Мои губы поджимаются, когда он это говорит. Я почти боюсь спросить, что за «дерьмо» он имеет в виду, к тому же почему-то уверена, что вряд ли он так просто ответит.

– Ты пострадал? – Решаю не рисковать.

– Нет. Но только благодаря Джону. Я ни хрена не видел, просто понадеялся, что раз есть почтовый ящик, то, возможно, где-то поблизости есть и жилье, и люди. Оказался прав. Твой дедушка приехал сквозь заносы на своем грузовичке буквально через несколько минут. Он вытащил меня из снежного плена, и с тех пор я здесь.

– Четыре или уже даже пять лет? – Я знаю, когда это случилось. Потому что именно той зимой дед обмолвился, что к нему приехал старый армейский приятель.

Я еще училась в колледже и вынуждена была срочно свернуть разговор, потому что пора было бежать на занятия. А когда я перезвонила чуть позже, тем же вечером, закончилось все, как всегда, расспросами о студенческой жизни.

– Четыре было этой зимой. В феврале. И я ни разу не пожалел.

Любопытно. Может, дед намеренно не распространялся особо о своем «помощнике»?

И что же все-таки за *дерьмо* случилось тогда у Дрейка?

Знай я эту ситуацию, сто процентов бы начала зудеть деду о том, что опасно подбирать на дороге и тащить в дом незнакомцев. Особенно таких, на которых огромными буквами написано: «Неприятности заказывали?»

Да только Джон наверняка попросил бы меня не сотрясать воздух впустую. Учитывая, что Дрейк здесь уже четыре года, он был бы прав. Если этот парень и планировал сотворить что-то ужасное, у него имелась масса возможностей.

Короче, дед оказался прав, как обычно.

Громкое ржание за окном привлекает мое внимание. Эдисон несется по пастбищу вдоль забора величественным галопом с веревкой, болтающейся на мощной шее.

Дрейк тормозит до того, как я прошу его.

– Да как, черт возьми? Я не только закрыл стойло на два

замка, но и связал его самого.

Он щелкает ремнем безопасности и тянется к двери, но я выскакиваю из машины быстрее его.

– Подожди меня здесь. Позволь я разберусь с ним сама, – говорю я.

Но Дрейк открывает свою дверь.

– Милая, у нас нет на это времени. Мы должны отвести этого чертяку обратно в амбар, или он поскачет за нами до самого города.

– Не поскачет, если я кое-что шепну ему. Подожди минутку. – Я иду через ров, где Эдисон ждет меня по ту сторону забора.

Дрейк ждет меня, прислонившись к пикапу.

Я прищелкиваю языком.

– Эй, дружище! Хорошим лошадам тут не место.

Эдисон вскидывает голову. Он рассержен и рвется в бой, как мне кажется.

Я кусаю губу. *Не подведи меня сейчас, Эдисон. Пожалуйста. Мне нужно что-то, какая-то отправная точка, на которую я могу ориентироваться.*

Он делает шаг навстречу, затем еще один, настороженно косясь в сторону Дрейка.

– Пойдем, приятель, – мягко говорю я снова.

Подойдя вплотную, хватаю конец веревки и осторожно натягиваю ее.

– Ты обещал мне, – говорю я, перекидывая веревку через

голову, чтобы снять ее. – Помнишь? Что мы будем помогать друг другу.

Он поворачивается ко мне, и я почти слышу, как он говорит: *«Ты тоже обещала. Что больше не уедешь»*.

– Я просто съезжу в город, – говорю я. – Прости. Нужно было сказать тебе до того, как мы сели в машину. Больше этого не повторится. Но и ты тоже будь хорошим мальчиком.

Ку-ку. Похоже, я совсем с катушек съехала, разговаривая с конем так, как будто он и в самом деле все понимает, но...

Он обнюхивает мою рубашку.

– Нет, леденцов с собой у меня нет, но я принесу их тебе чуть позже, если мы с тобой договоримся. Знаешь куда?

Я наклоняюсь ближе и шепчу:

– В амбар. Слышишь, Эдисон?

Он двигает ушами.

Как бы безумно это ни выглядело, но я думаю, он все понял.

Я прячу улыбку и отступаю. Он наблюдает, как я медленно делаю еще один шаг. Затем снова вскидывает голову. Я усмехаюсь. Он меня не подведет.

Повернувшись, я перепрыгиваю ров и возвращаюсь к машине.

– Было бы намного проще отвести его домой на веревке, – говорит Дрейк.

– Нам не нужно вести его обратно. Залазь в машину. – Я оборачиваюсь, машу Эдисону и кричу: – Встретимся в ам-

баре!

Конь поворачивается и скачет обратно. Дрейк стоит на том же самом месте, не сдвинувшись ни на дюйм, в недоумении переводя взгляд с коня на меня.

– Впечатляюще, конечно. Но ты уверена? – Он качает головой, глядя на меня, затем снова на Эдисона. – Он точно не будет там стоять смиренно. Ему нельзя доверять.

– Он будет паинькой. – Мы еще не так далеко отъехали – я вижу возвращающегося к амбару Эдисона. – Он будет там, пока мы не вернемся.

Забираюсь в пикап и захопываю дверцу. Дрейк возвращается на место водителя, и его взгляд тут же прилипает к зеркалу заднего вида. Через некоторое время он пожимает плечами.

– Конь – твоя забота, милая. Похоже, ты чертовски уверена в нем.

– Так и есть. У нас уговор.

– Это все, конечно, просто офигенно. Лишь бы мне не пришлось тащиться за твоим «уговором» до самого озера.

Я улыбаюсь, качая головой, почему-то на самом деле уверенная в Эдисоне, хотя и не должна, наверное. Это больше похоже на веру в чудо. На надежду. Последнее время мне этого не хватало. Я понимаю, что в жизни ничего не изменится, если я не начну меняться сама.

– Не переживай, не придется, Дрейк.

Он трогается, а на губах у него расплзается лукавая

усмешка.

– Ну, тогда пеняйте на себя, леди.

Я смеюсь.

– На что спорим? Кроме шуток. Давай заключим пари, будет ли он в амбаре, когда мы вернемся.

– На что? – Он все еще не отрываясь смотрит в зеркало заднего вида, хоть мы уже едем по шоссе. – Единственное, что у меня есть, эта тачка. Но у меня рука не поднимется поставить ее.

Закатываю глаза. Я ни черта о нем не знаю, как и он обо мне. Я в жизни не потратила ни единой монетки даже в дурацких автоматах, забитых маленькими мягкими игрушками.

– Да сдалась мне твоя машина? Я говорю об ужине. – Не могу придумать ничего другого. – Если Эдисона в амбаре не будет, готовлю я. Если он будет там, придется тебе поразить меня своим кулинарным мастерством. – Вспомнив вчерашний поднос, добавляю: – Только это должно быть что-то более существенное, чем бутерброд и фрукты. Если, конечно, это не единственное, что ты в состоянии приготовить.

Он переводит свой взгляд на меня.

– Я тебя умоляю. Как только ты попробуешь мой знаменитый стейк и картофельные оладьи, придется взять свои слова обратно! Вчера я просто не был уверен, что ты хочешь есть. Поверь, на кухне я так же хорош, как и в спальне.

О. Мой. Бог.

Он соображает, что говорит? Да еще так уверенно. Понимает вообще, что я моментально залилась краской от двусмысленности сказанного?

И по удовлетворенному блеску в его глазах понимаю, что да – и соображает, и говорит правду. Мой взгляд перемещается на его руки, спокойно лежащие на руле, и я невольно представляю, как ловко они могут управиться и со сковородой, и с женщиной.

– Без обид, – говорю я слишком быстро, отчаянно пытаюсь прогнать из головы неуместные мысли. – Бутерброд был отличный, правда. Но для ставки не годится.

– На здоровье.

Я поворачиваюсь, чтобы еще раз взглянуть на Эдисона. Конь стоит возле амбара и спокойно щиплет траву. В руке я по-прежнему держу веревку с шеи коня, поэтому я протискиваюсь между сиденьями, чтобы бросить ее сзади. Она падает рядом с большим желтым конвертом.

– Это те самые документы, которые я вчера подписывала?

Он бросает быстрый взгляд на меня, затем снова переводит взгляд на дорогу.

– Пытаешься перевести тему?

Я снова усаживаюсь поудобнее.

– Нет. Просто заметила толстый конверт. У меня от этих бумажек рука до сих пор болит – столько подписывать.

– Так я не понял, мы забились? Проигравший готовит ужин? – спрашивает он.

Я смотрю на него мгновение, задаваясь вопросом, не шутит ли он.

– Ага.

– Надеюсь, ты знаешь, как приготовить что-то из мексиканской кухни. Я предпочитаю энчиладу¹⁶.

Будучи абсолютно уверенной в том, что готовить мне не придется, я все-таки отвечаю:

– Не вопрос. Курица или говядина?

– И то, и то, пожалуйста.

Я усмехаюсь.

– Надеюсь, ты тоже умеешь ее готовить. Но если нет, так и быть, соглашусь на тако¹⁷.

– Соглашаться на что бы то ни было придется не тебе, а мне.

Моя улыбка становится шире, когда мужчина бросает еще один взгляд в мою сторону.

– Давай зайдем в магазин в городе и купим все, что тебе

¹⁶ Энчилада – традиционное блюдо мексиканской кухни: тонкая лепешка из кукурузной муки, в которую завернута чаще всего мясная начинка. Свернутые энчилады обжариваются на сковороде или запекаются под соусом (и иногда сыром) в духовой печи. Традиционно энчиладу поливают соусом моле из чили и какао.

¹⁷ Тако – традиционное блюдо мексиканской кухни, состоит из кукурузной или пшеничной тортильи с разнообразной начинкой – говядиной, свининой, курицей, морепродуктами, чоризо, пережаренными бобами, овощами, тушеной мякотью мексиканского кактуса. В качестве приправы служат сыр, кинза, лук, сальса, гуакамоле. Тако едят без столовых приборов, складывая тортилью с начинкой пополам. От энчилады отличается тем, что не требует запекания.

понадобится.

– Нет необходимости. В морозилке куча разного мяса. На прошлой неделе я маленько переборщил, затариваясь, потому как знал, что какое-то время не выеду с ранчо. Так что шкафы, холодильник и морозильная камера трещат по швам. В них есть все, что тебе понадобится, шеф Рид.

Я смеюсь над тем, как нелепо звучит «шеф Рид».

Надо признать, с ним легко и просто.

Я в очередной раз оглядываюсь назад, но мы уже слишком далеко, чтобы можно было рассмотреть Эдисона. Хотя он точно там. Я знаю это.

И мне снова бросается в глаза конверт. Должно быть, Дрейк собирался закинуть эти бумаги в офис Шеридана, пока мы будем в городе. Вот и прекрасно, одним делом меньше.

Я уверена, что после встречи в «Норт Эрхарт» я буду никакая. И надеюсь только на то, что удача будет на моей стороне и не придется после всего еще и закатывать пир горой.

Внезапно на меня наваливается тяжесть.

Я делаю глубокий вдох, готовясь к тому, что ждет меня через несколько минут.

– Наверное, надо предупредить тебя о моих родителях.

– Не надо.

Я хлопаю глазами, но через секунду понимаю, что он имел в виду.

– Э-э-эм, дед тебе объяснил, да?

– Ага. И твой дед, и собственный опыт. Я знаю этот тип

людей и как вести себя с ними.

Я смотрю на мелькающие в окне столбики ограждений и судорожно соображаю. Что бы ни говорили родители о дедушке, сам он редко говорил о них. Я должна спросить.

– И что он тебе объяснил?

Тут что-то есть. Гораздо больше того, что известно мне.

– Все.

Мило. Но очень обтекаемо. Если он и замечает, что я подглядываю за ним, то не показывает этого.

– Да? И что входит в это «все»?

– Ты и правда хочешь знать все грязные подробности? – Он молчит, пока мы сворачиваем на трассу. – С самого начала?

Само собой. Я должна знать, что он имеет в виду, а он должен быть действительно готов к грядущему скандалу.

Я киваю.

– Начинай.

– Ну, Джон сказал, что твоя мама никогда не знала своего отца. Никто не знал, кто он, даже ее мать, которая работала в баре в городе. Старик сказал, что для нее твой отец был единственным шансом свалить из этого города и воплотить в жизнь ее самую большую мечту, поэтому за неделю до окончания средней школы она сказала, что беременна.

Черт возьми. Что?!

Я пытаюсь удержать всхлип, рвущийся с губ. Если дед сказал так, значит, это так и есть.

– Я тебя предупреждал, – говорит Дрейк, чувствуя мое замешательство. – Если хочешь, чтобы я прекратил, самое время.

– Нет. Продолжай.

– Когда это произошло, твой отец уже был зачислен в штат «Норт Эрхарт». Джон пытался его переубедить, но в конце концов махнул рукой и дал согласие на брак при одном условии. Он хотел, чтобы они оба отучились в колледже. И помогал им во время учебы. Купил домик в Фарго, оплатил учебу и продолжал выделять Гарри зарплату от компании. В общем, сделал все, чтобы облегчить им жизнь и подстраховать их на первых порах.

Господи.

Аж мурашки по коже. Я сжимаю руки. Жутковато, что этот незнакомец знает о семье больше, чем я. Кашлянув, я набираюсь смелости и спрашиваю:

– Но... я родилась через много лет после того, как они окончили школу. По крайней мере, они всегда так говорили. Не понимаю...

– Скажем так, Джон совершенно не удивился, когда оказалось, что никакого ребенка не будет. Твоя мама утверждала, что у нее случился выкидыш, но старик в принципе сомневался в ее беременности, и поэтому он заставил ее подписать брачный контракт.

Мой желудок подскакивает к самому горлу. Брачный контракт? *Дед ее заставил?*

Это как-то слишком. Я представить себе не могу, чтобы мой добрейший, умнейший дед таким безумным образом устанавливал правила игры. Разве что... разве что он ненавидел ее и не доверял ей с самого первого дня.

Вражда была изначально, а не возникла из-за постепенно портящихся отношений, как я всегда думала.

– Милая, что-то ты выглядишь не очень. Кажется, я уже достаточно наговорил? – Голос Дрейка напоминает раздающийся вдали рокот.

– Нет! Я должна знать все.

– *Ты уверена?* Выдержишь? Потому что мы оба знаем, что эта встреча не будет легкой. Не стоит доводить до того, чтобы мне пришлось нести тебя туда.

– Дрейк! Я взрослая женщина. Просто... скажи мне. – Я пытаюсь сдержать рвущиеся эмоции.

В боковое зеркало замечаю, как побледнела, практически до пепельно-серого цвета. Дрейк медленно продолжает:

– После колледжа они переехали на восток, чтобы получить степень магистра. После стольких лет обучения им понадобился отдых, и они отправились путешествовать. Провели целый год, разъезжая по всему миру, затем еще год и еще, пока Джон не бросил всякие попытки убедить их вернуться домой.

Эту часть семейной истории я знаю. И киваю в ожидании продолжения.

– А затем родилась ты. И тогда он *вынудил* их вернуться,

просто перекрыв доступ к деньгам. И только спустя два месяца понял, что не получится жить с ними в одном доме, заставить работать в одной компании. Им было плевать на все на свете. Поэтому, чтобы сохранить хоть малую часть семьи, он заключил с ними сделку и отправил их подобру-поздорову. Он... черт.

Дрейк прочищает горло, его яркие голубые глаза неотрывно смотрят лишь на дорогу. Господи. Становится страшно. Что же последует дальше?

– Дрейк... – шепотом окликаю мужчину.

– Он заставил их подписать соглашение о совместной опеке. Над тобой.

На этот раз я не могу удержаться от громкого всхлипа.

– Уговор был, что ты будешь приезжать к нему на летние, да и все остальные каникулы или каждый раз, когда они будут сваливать в отпуск. И так до тех пор, пока ты не станешь достаточно взрослой, чтобы принимать собственные решения. За это он обязался продолжать платить им чертовы бабки. Мать клялась и божилась, что не видать Джону внучки как своих ушей, но твой отец каким-то образом утихомирил ее. Он выполнял часть их соглашения, ни разу не отменив твою поездку к деду. А Джон, в свою очередь, сдержал слово, выделив более щедрую зарплату от «Норт Эрхарт» с кучей дополнительных льгот.

Я не могу дышать. Горячие слезы стыда и смущения жгут глаза. Отчаянно needing в глотке свежего воздуха, я слепо

шарю руками в поисках дверной ручки. Но Дрейк опережает меня, и я лишь благодарно киваю, когда он нажимает на кнопку, впуская в салон прохладный ветер Дакоты.

– Они пытались договориться несколько раз, всегда хотели большего, но Джон стоял на своем. Он не давал ни пени сверх положенного, за исключением тех моментов, когда речь шла о твоих нуждах. И, между нами, я разрешу тебе уступить им лишь в том случае, если это будет в твоих интересах, Белла.

– Прости, не поняла. – Не могу поверить, что правильно его расслышала. – Ты имеешь в виду, что ты... мой телохранитель? Типа того?

Дрейк кивает. Слишком серьезно, чтобы это было шуткой. Я чуть не умираю прямо на этом кресле.

– Джон называл меня «помощником». Так и есть. Моя главная задача – действовать исключительно в твоих интересах, Белла. Не более того. Джон взял с меня обещание, что я помешаю им облапошить тебя.

Ну здравствуй, взрыв мозга. Сегодня его взорвали гремучей смесью растерянности, боли, страха и волнения. Сперва этот состав как следует взболтали, а потом лишь поднесли спичку, и меня рвануло.

Единственное, что спасает в этой ситуации, – осознание, что я не одинока. Хоть я и не просила, да и в жизни не просила бы такой помощи.

Я не знаю, чему или кому верить. Сейчас, после *всего*

услышанного, я даже не понимаю, какими на самом деле были родители и дед.

В ушах стоит мерзкий звон. Я аккуратно потираю виски кончиками пальцев. Каждый вдох отдается болью в груди, но, по крайней мере, я могу дышать, втягивая драгоценный кислород через нос и выдыхая через рот. Я откидываюсь на спинку сиденья, все еще держась за голову и пережидая, когда этот удар под дых, замаскированный под «разговор», отпустит меня.

– Это все, что мне известно, – тихо резюмирует он. – Но и этого более чем достаточно.

Я опускаю руки, хотя в ушах все еще звенит.

– Думаю, мне стоило узнать это давным-давно.

Он смотрит на меня, нахмурившись.

– Хочешь сказать, ты ничего из этого не знала? Ну, может, кое-какие детали тебе были неизвестны. Но не все же? Твою мать, все?

Я киваю; в голове вата.

– Я ничего об этом не знала. Ни о родителях, ни о матери, ни о брачном договоре, ни о... совместной опеке. – Я не одна шокирована. Дрейк старается выглядеть невозмутимым, но я-то вижу, что он расстроен.

Его тоже переполняют эмоции.

– Джон говорил, что ты знала о сделке.

– Ну, – хриплю я, потому что в горле мешает какой-то комок. – А я не знала.

Его челюсти сжимаются, и я слышу, как он делает глубокий вдох, пока массивная грудь бурно вздымается, чуть не соприкасаясь с рулем. Но все эмоции вмещаются в одну краткую фразу:

– Твою ж мать!

VI: Синдром самозванца

Дрейк

Черт тебя побери, Джон!

Ты сказал, что она все знает. Какого хрена ты мне соврал?

Потому что Белла совершенно точно не обманывает меня сейчас. Она вообще не умеет врать!

В эту секунду ее лицо блее снега. Она задыхается, как рыба, выброшенная на берег. Понятия не имею, как будем выгребать из всего этого дерьма, но точно знаю одно: ни при каких условиях нельзя тащить ее в зал совещаний в таком состоянии. Я торможу и съезжаю на обочину. Вытаскиваю из подстаканника бутылку. Старая армейская привычка – никогда и никуда не выхожу без запаса воды. Откручиваю крышку и передаю девушке.

– Пей.

Она отказывается, но я продолжаю держать бутылку до тех пор, пока она не берет ее и не подносит к губам.

Белла делает пару глотков, затем возвращает емкость обратно.

– Спасибо.

– Пока едем, допей все, – говорю я, закрывая крышку и

ставя воду в подстаканник рядом с ее коленом. – Прости, пожалуйста. Я, честно говоря, был уверен, что ты знаешь большую часть этого... или, по крайней мере, самое важное.

– Я не знала, но ты не должен извиняться, – едва шепчет спутница. – Ты не совершал ничего плохого, просто хранил эти секреты. Неважно, насколько я сейчас расстроена, я рада, что все стало известно.

Чувство вины давит на плечи. У меня есть такой секрет, который переплюнет все дерьмо, сотворенное ее семьей.

Черт, она держится из последних сил. А что же будет, когда она все-таки узнает про этот долбаный брак по доверенности, который организовал Джон?

– *Очень* рада, – снова шепчет она. – Я чувствовала себя виноватой, когда получила наследство вместо родителей, которые были уверены, что все останется им. Я была готова уступить им.

Девушка горько усмехается. Я сохраняю молчание, вцепившись в руль с такой силой, что костяшки побелели.

– А теперь до меня дошло. Теперь я знаю, почему мне приходилось так часто звонить деду... Почему они убеждали меня сказать, что мой вуз отстойный, хотя это на самом деле далеко не так. Почему они заставляли переехать, хотя я не хотела. – Она качает головой в такт своим мыслям. – Они использовали меня как пешку, чтобы заполучить еще больше денег. Никогда не пойму, почему дед держал все в секрете, но... это не хуже того, что сделали мама и папа. И знаешь

что? Теперь мне будет легче защитить «Норт Эрхарт» от их жадных рук.

Мысленно я улыбаюсь. Мне нравится решительность в ее голосе. Нет ничего лучше волшебного своевременного пенделя человеку для придания ему ускорения и верного направления. Хотел бы я, черт подери, чтобы Молли и Гарри были единственными, от кого надо уберечь компанию. Но озвучивать это я не собираюсь. Точно не сейчас.

– Поехали, Дрейк, – просит она, уставившись вперед. – Я уже в порядке. Даже более чем, давай сделаем это.

Чтобы она ни говорила, как бы она ни уверяла, что в порядке, я внимательно осматриваю девушку. Я достаточно повоевал, чтобы уметь определять, когда человек в шоке. И с Беллой Рид определенно не все в порядке. Об этом свидетельствует туннельное зрение. Если ты руководишься задетой гордостью, ошибки гарантированы, хоть и оправданны.

Говорить с ней сейчас будет нелегко.

Если я начну противоречить ей, она моментально придет в ярость.

Я завожу пикап, оглядываю трассу и трогаюсь. Штаб-квартира компании находится на другом конце Далласа, но я сомневаюсь, что она придет в себя за те пятнадцать минут, что понадобятся на дорогу. Когда мы въезжаем в город, я поворачиваю налево, чтобы выиграть немного времени.

– Эй, разве это дорога в офис? – Она мельком смотрит на

меня.

Блин. Я надеялся, что она не так хорошо ориентируется на месте.

– Я думал, что мы сначала закинем документы в офис Шеридана. Это займет всего секунду, – стараюсь спокойно ответить.

Слава богу, она хотя бы не сопротивляется этому предложению.

Я все еще зол на Джона. И буду злиться даже после того, как эта гребаная чертовщина закончится.

Я не могу понять, почему старик именно меня вынудил вывалить на нее семейные скелеты. *Твою мать!*

Когда через несколько кварталов я паркуюсь у офиса адвоката, Белла бормочет, что подождет в машине.

– Я скоро. – Схватив конверт с заднего сиденья, скорее сваливаю.

Зайдя в приемную, я киваю секретарше.

– На месте?

– Нет, мистер Шеридан на приеме у врача. Должен вернуться через час или два. – Она протягивает руку за конвертом. – Давайте я передам ему.

Я чуть было не прячу конверт за спину. Понятия не имею, насколько она посвящена в дела. По идее, Шеридан доверяет ей, но я-то нет. Особенно в том, что касается скандальных брачных авантюр в маленьком городишке.

– Подождите. Мне нужно оставить ему записку, – говорю

я.

Она протягивает блокнот и ручку, а затем встает и предлагает свое рабочее место.

Я вкратце подвожу итоги недавних событий. Пишу на листке, что Белла не знала ни о брачном договоре родителей, ни об опеке, и вкладываю записку в конверт. Всю дорогу я переживал, что не запечатал конверт, но сейчас рад этому. Я облизываю клейкий край и плотно прижимаю, чтобы он приклеился.

Секретарша открывает мне дверь в кабинет адвоката.

– Вы можете положить их ему на стол. Никто не увидит эти документы, кроме самого мистера Шеридана.

– Спасибо. – Захожу, быстро кладу конверт на стол и выхожу.

– Как только мистер Шеридан вернется, я скажу, что вы приходили, – говорит женщина, возвращаясь к себе на рабочее место.

Я киваю, еще раз благодарю ее и иду к выходу.

– Удачного дня, мистер Ларкин.

– Вам тоже. – Выхожу через дверь, гадая, как скоро в мою жизнь вернутся хорошие дни. Мирная жизнь с Джоном Ридом на ранчо закончилась.

Напряжение, уныние, чувство одиночества, которые я пережил со своим отцом и Энджи... по сравнению с нынешней ситуацией кажутся слишком простыми. И это о *чем-то* говорит.

– Ты быстро, – говорит Белла, когда я забираюсь обратно на водительское место.

– Шеридан у врача. Я не говорил с ним.

– Ничего удивительного. Вчера он выглядел очень больным, – говорит она. – Надеюсь, ему скоро станет лучше.

Я завожу пикап, и мы пускаемся в путь.

– Ты не знаешь, что у него со спиной? – спрашивает Белла.

– Полагаю, старая рана, – говорю я, поворачивая на дорогу, которая ведет к офису компании.

– Серьезно? – хмыкает девушка. – Вот уж не знала, что дед так любит работать с бывшими вояками.

– Насколько я знаю, Шеридан из военных моряков. Но ты права. Джон любил дисциплинированных сотрудников.

Идеальные исполнители. Именно таких людей он искал. С самого рождения Беллы он начал воплощать в жизнь план и подбирал людей, которые смогут довести его до конца, когда старика не станет.

Спустя несколько минут я заезжаю на офисную парковку. Штаб-квартира «Норт Эрхарт» – самое большое современное здание во всем городе. Сюда ходят на работу, наверное, процентов семьдесят местных жителей. Все они сейчас серьезно обеспокоены тем, что произойдет после смерти Джона Рида.

Их жизнь зависит от компании. Я вырос примерно в таком же городке, где все вечно переживали, как бы с предприятием, на котором работал мой отец, не случилось ниче-

го дурного. Все и было хорошо, но постоянный страх был, как бушующий по соседству ураган, грозящий смести все на своем пути.

Как всегда, паркуюсь на месте, зарезервированном для Джона, и, заглушив двигатель, оглядываюсь на Беллу. Она смотрит на здание не мигая, но на щеки уже вернулся румянец.

Этим утром, признаться, я был уверен, что она спустится одетая с иголки. Считайте меня извращенцем, но вчерашнее маленькое черное платье выглядело на ней просто сногшибательно. Хотя то же самое можно сказать и о простых джинсах и рубашке в клетку.

Интересно, она их надела, чтобы люди поверили, что она похожа на Джона? Хочет она того или нет, но ей для этого придется попотеть.

Мистер Рид никогда не боялся испачкать руки, громил конкурентов и пер напролом к цели, как и следует человеку, изо всех сил стремящемуся сохранить в своей жизни единственную внучку. Белла же родилась с серебряной ложкой во рту.

Это знает каждый. Все представляют ее в качестве принцессы, не отличающей пончо от пончика.

Но она умница, в этом ей не откажешь. И ей даже не нужно быть Джоном Ридом, потому что он создал основу безупречной системы, которая сейчас работает практически на автопилоте.

Джон принял важное решение. У него были стальные нервы и острый ум, чтобы противостоять реальным смертельным угрозам. Он день и ночь «разрабатывал» тех, кто больше всего беспокоил его, и он понимал, что делает.

Белла не будет знать, с какой стороны подступиться. Придется мне взять это на себя до тех пор, пока она наберется ума-разума.

– Готова? – спрашиваю я.

Сейчас девушка тщательно изучает машины на парковке, бросив на меня лишь беглый взгляд.

– Насколько вообще когда-либо буду готова.

Я открываю дверь, выхожу и сталкиваюсь с ней у переднего бампера моей машины. Она снова рассматривает припаркованные автомобили.

– Ищешь тачку своих родителей?

Она кивает.

– Арендванный белый БМВ.

Я провожу беглый осмотр.

– Не вижу такого.

– Я тоже. И не знаю, хорошо это или плохо.

Точно не могу сказать, но я знаю Роджера Джонса и его отношение к мистеру Гарри.

– Роджер позвонил, чтобы предупредить тебя об их визите. Он знает, чего хотел Джон, и согласен с этими желаниями. Он чисто декоративная фигура, Белла. Ты – королева.

Она улыбается, но складки на ее лбу не разглаживаются,

пока мы не входим в здание.

И тут меня осеняет. Я здесь не только для того, чтобы защитить ее и убедиться, что девушку не обведут вокруг пальца родители или промышленные шпионы. Если я на самом деле хочу помочь Белле, я должен заставить девушку поверить в себя.

Роджер Джонс, высокий мужчина с седыми волосами и серыми глазами, встречает нас в холле.

Вероятно, он видел, как мы въехали на парковку. У него весомая причина, чтобы исполнить желание Джона, – карьера.

У него светлая голова. В течение многих лет он контролирует в компании все, вплоть до мелочей, и был свидетелем всех успехов и неудач фирмы. Его зарплата делает его одним из самых богатых людей в Далласе, и он, черт возьми, наверняка хочет, чтобы так все оставалось в дальнейшем.

Я познакомился с ним, когда жил на ранчо. Такая привычка – не могу доверять, если не знаю человека лично.

Джонс учился в старшей школе вместе с Молли и Гарри Ридом – в одном классе, – но в отличие от этих двоих после колледжа он вернулся в Даллас. Он с лихвой возместил щедрость старика, оплатившего его обучение, тем, что использовал полученное образование во благо компании.

Так что Белла не единственная, кто извлекает выгоду из успеха Джона. На самом деле в этом городке вряд ли нашелся бы хоть один человек, не благодетельствованный Ридом.

Господи, да больше половины старых магазинчиков на Мэйн-стрит имеют статус «исторических достопримечательностей Далласа» и поддерживаются его местным благотворительным фондом.

Я отступаю на полшага, как и положено телохранителю, когда Белла и Роджер здороваются и обмениваются дежурными светскими фразами. Он приглашает ее наверх, в конференц-зал, и указывает на лифт. Понимая, что я тоже иду с ними, он дружелюбно кивает мне.

Пока мы едем в лифте, Белла спрашивает:

– Джонс, вы когда-нибудь служили в армии? У вас есть воинское звание?

– Нет, – отвечает он. – Я провел в Далласе всю свою жизнь, за исключением нескольких лет обучения в колледже.

Она кивает.

Роджер смотрит на меня.

– Этот молодой человек, впрочем... давайте скажем так – мы в хороших руках. У Джона были причины нанять его. И если бы я когда-нибудь влез в пьяную драку, во всем мире не нашлось бы лучшего напарника, чем Дрейк Ларкин.

Я стою в непринужденной позе, держа руки за спиной, поэтому просто приподнимаю бровь. Попытка представить Роджера парнем, разбивающим в кровь костяшки, вызывает лишь смех.

– Верно, – говорит она. – Вы учились в одной школе с моими родителями, не так ли?

Задерживаю дыхание. Ведь все сказанное по пути сюда наверняка еще слишком свежо в ее памяти. Я молюсь, чтобы это не задевало ее слишком сильно, и бросаю на Роджера пристальный «*сведи-за-тем-что-болтаешь*» взгляд, на что он осторожно отвечает:

– Да, именно так. Но в те времена нас в классе было... намного больше, чем сейчас принято. Это сейчас у нас появилось достаточно учителей, в частности благодаря щедрости вашего деда.

Молодец. Тщательно подбирает слова, хорошо бы и дальше продолжал в том же духе.

Лифт открывается, и Роджер придерживает створку рукой, чтобы она не закрылась.

– Прямо по коридору, в самом конце.

Я иду за ними след в след, а Роджер перечисляет вслух количество штатных сотрудников, строящиеся сооружения и другие сведения о компании.

Войдя в конференц-зал, он приглашает Беллу за окруженный массивными кожаными креслами большой стол, на котором нас ожидают папки с документами, портфолио компании, несколько бутылок воды и термосы с кофе. Когда Белла и Роджер располагаются, я закрываю дверь и встаю рядом с Беллой.

Роджер еще внизу выразил свои соболезнования, но повторяет их. Он заверяет, что на текущий момент в компании нет никаких проблем, да и в ближайшем будущем он

не видит ничего опасного или угрожающего. Он отмечает, что Джон создал изящную, прекрасно функционирующую машину, которая более чем способна справиться как с ежедневными задачами, так и с долгосрочными целями. Он продолжает обсуждать ее участие в грядущем заседании правления и добавляет, что полный отчет по деятельности компании будет предоставлен чуть позже.

– Простите, что мой отец все же сказал вам утром? – прерывает его вопросом Белла.

Если бы это было кино, в этом моменте кадр остановился бы. Я крепко сжимаю челюсти, готовый к возможным неприятностям.

– Ах, да, мистер Рид... он выразил сомнения... как вы и предполагали, – отвечает Роджер. – Но я был готов и повторил именно то, что вам озвучили вчера в офисе господина Шеридана. У меня есть копия завещания, и я планирую действовать в соответствии с ним.

Хороший ответ.

– Сколько заседаний правления посетил папа? – спрашивает она несколько минут спустя, листая документы в папке.

Роджер снова смотрит в мою сторону.

– Ни одного из тех, на которых присутствовал я, а я работаю в компании более двадцати лет. Тем не менее ему предоставляли все отчеты – как ежемесячные, так и годовые. Полагаю, некоторые он все же, *возможно*, просматривал.

– Возможно, – кривится Белла. – А какой у него доступ к

информации компании?

Роджер хмурится.

– Что вы имеете в виду?

– Ключи. Счета. Удаленный доступ, – уточняет она. – Я знаю, что у него есть корпоративная почта.

Ее вопрос удивляет меня. Я впечатлен. Похоже, Белла унаследовала часть здравого смысла Джона.

– Ну, не у всех членов правления есть доступ к корпоративным базам данных, – говорит Роджер. – Хотя, конечно, у вашего дедушки был полный доступ. Я свяжусь с отделом информационной безопасности и сообщу, какой уровень доступа у вашего отца. Позвольте заверить, что мы серьезно относимся к вопросам безопасности. И если у Гарри есть к чему-то доступ, я лично его отключу. А теперь... – Роджер переходит к очередной странице в ежедневнике. – Я предоставил вам полный список сотрудников, так что вы можете убедиться, что у нас есть целый отдел по безопасности.

По выражению ее лица я вижу, когда она находит мое имя в этом списке.

Дрейк Ларкин, специалист по безопасности. Личный.

Именно так я обозначен.

Она слегка поворачивается и задумчиво рассматривает меня.

Есть что-то неуловимое в том, как она поджимает свои розовые губки, что заставляет взгляд прилипнуть к ним и вызывает волну дрожи.

Черт! *Нельзя* позволять этой девчонке вызывать у меня мгновенный гребаный стояк, тем более что она не прикладывает к этому ни малейших усилий.

– Смею вас заверить, мистер Ларкин останется в штате, – говорит Роджер. – Он ваш личный телохранитель, как и просил Джон.

Готов побиться об заклад, Джон никогда ей не говорил ни о моей должности, ни о размере зарплаты. И выражение ее лица в эту секунду ясно говорит, что ее мучает вопрос: «Зачем?»

Твою мать. И вдобавок к тесным джинсам у меня вырисовывается еще одна неожиданная проблема. Роджер снова привлекает ее внимание к документам компании, и в течение следующего часа они обсуждают более приземленные темы. Закончив, мужчина провожает нас на первый этаж, и мы прощаемся.

С Джонсом у руля компания в надежных руках. Он поможет Белле всем, чем сможет, и не только ради своей выгоды. Как и все остальные, он уважал Джона Рида.

Если честно, меня не трогают ни его секреты, ни странная неразбериха, которую он оставил после себя.

Тем не менее, черт возьми, я бы хотел, чтобы Джон оставил больше ответов.

– Так какого рода безопасность ты обеспечивал деду? – спрашивает девушка, как только мы оказываемся на улице и подходим к пикапу.

Блин! Разве не достаточно секретов для одного дня?

– Это больше номинальная должность. Ты же не думаешь, что Джон хотел бы, чтобы в штатном расписании числился его «помощник по хозяйству»? Или, еще лучше, «старый армейский приятель»?

Она усмехается; в ее глазах по-прежнему сверкает любопытство. Я предпочитаю его не замечать, потому что слишком занят другим – желудок начинает урчать, как злой гризли.

Мы забираемся в машину, и на выезде со стоянки я задаю насущный вопрос:

– Голодна? В городе есть хорошая бургерная. Перекус позволит нам продержаться до тех пор, пока ты не сделаешь энчилады.

Ее улыбка светится, в красивых зеленых глазах появляется огонек азарта.

– Пока с этими энчиладами будешь управляться *ты*, шеф. Я усмехаюсь, потому что знаю, что моей заботой будет только перекус. Сегодняшний ужин на ней. Этот чертов конь не будет стоять и смиренно ждать нас рядом с амбаром, когда

мы вернемся, и ей придется разыскивать его по всей округе. Хотя я при этом буду где-то рядом. Пока все это дерьмо не закончится, Белла Рид будет у меня на глазах.

Целых два дня вместе. И осталось всего лишь шесть месяцев.

Ага, всего лишь.

Твою мать!

«Не так уж это и долго», – уверяю я себя. Мы укрепим тыл, все обустроим, будем держать родителей-стервятников подальше. Тогда Белла разберется, чем ей хотелось бы заниматься, а я буду на подхвате. Затем Шеридан, как и обещал, оформит развод, и я отправлюсь восвояси.

– На самом деле я действительно хочу есть. Бургер звучит хорошо.

– Отлично, – отвечаю я. – Там или возьмем навынос?

– Навынос! – мгновенно отвечает она.

Я включаю поворотник, чтобы свернуть туда, где находится единственный фастфуд-ресторан, продающий еду навынос.

– Правильное решение. Тебе придется побегать за этой чертовой лошастью какое-то время, дай бог управиться до темноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.